

Ханна Хауэлл
Горец-защитник
Серия «Мюррей», книга 12

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8708673
Ханна Хауэлл. Горец-защитник: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-39863-6
Оригинал: HannahHowell, "Highland Protector"
Перевод:
Е. Ю. Елистратова

Аннотация

Кинжал юной Илзбет Мюррэй обнаружен в груди посланца короля, и никому нет дела до заверений девушки, что она не причастна к преступлению...

В отчаянии Илзбет бежит от преследователей и умоляет сурового лэрда Саймона Иннеза, известного защитника невинных, приютить ее.

Но совсем скоро ситуация принимает неожиданный оборот: сэр Саймон, гордившийся тем, что ни одной женщине не удавалось покорить его сердце, начинает понимать: он сгорает от страсти к Илзбет и вот-вот нарушит слово чести, запрещающее рыцарю касаться дамы, которую он защищает...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ханна Хауэлл

Горец-защитник

© Hannah Howell, 2010

© Перевод. Е. Ю. Елистратова, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Глава 1

Шотландия, лето 1479 года

– Я благоговейно склоняю голову перед той жертвой, которую ты собираешься принести во имя нашего дела, Уолтер.

– Только не кланяйся слишком низко, дорогой кузен. Ибо мне недолго придется изображать жертву.

– Как же это? Я полагаю, что любому, кого обвинят в убийстве одного из приближенных самого короля... срок отпущен, так сказать, очень небольшой. Ведь подобное предательство незамедлительно приведет к самой ужасной смерти.

Илзбет застыла как громом пораженная. Затевая слежку за своим нареченным, она никак не ожидала услышать слова «убийство» и «предательство». Она покинула его часом раньше и спряталась в лесу. Затем подкралась к дому в надежде узнать, почему он столь странно ведет себя в последнее время. Она подозревала, что у него есть другая. Сэр Уолтер был человеком весьма жизнелюбивым, но на нее тратил лишь малую толику своей энергии. Илзбет начала подозревать, что он удовлетворяет свои мужские аппетиты где-то в другом месте, и не собиралась это терпеть, несмотря на то что они еще не были женаты.

Но убийство и предательство никак не приходили ей на ум. Тем более убийство кого-то из людей короля! Это уже не предательство, а государственная измена. При одной мысли о подобном преступлении ее пробил ледяной озноб. Неужели Уолтер может быть замешан во всем этом? С чего ему вообще говорить о таких вещах?

Держась в тени огромного каменного дома Уолтера, Илзбет легла на живот и подползла чуть ближе. Уолтер и его двоюродный брат Дэвид сидели рядышком на массивной каменной скамье в дальнем углу сада, составлявшего особенную гордость властолюбивой матушки Уолтера. Оба пили и наслаждались наступающими сумерками, приятной прохладой после на удивление жаркого летнего дня. Странное место для беседы о таких страшных вещах, как убийство и предательство!

– Разумеется, я спасу свою дорогую невесту, – продолжал Уолтер. – Но ей придется бежать из Шотландии. У меня есть хорошенький домик на побережье во Франции. Там я ее и поселю. Из благодарности она станет согреть меня по ночам.

– Иисусе! Неужели ты все еще думаешь на ней жениться? Дело было и без того опасным, когда она была просто девицей из клана Армстронгов, но теперь ее будут считать дочерью изменников.

Дэвид говорил с ненавистью и отвращением, и каждое слово жалило Илзбет больнее, чем самая жгучая крапива. Ей захотелось кричать от злости! Но она сумела сдержаться.

Уолтер зло рассмеялся:

– Все еще? Да я никогда не думал на ней жениться. Мне казалось, ты это отлично знаешь. Господи, помилуй, она ведь Армстронг! Отец перевернулся бы в гробу, попытайся я смешать кровь нашей семьи с кровью этих грязных разбойников и воров. А матушка бы просто умерла. Нет, я вел свою игру. Однако, как бы то ни было, Илзбет – прелестный лакомый кусочек, и я не желаю, чтобы она сошла в могилу раньше, чем я успею ее распробовать.

– Хочешь сказать, ты с ней еще не переспал?

– Я пытался. Но очень быстро выяснилось, что кто-то научил ее дорожить девичьей честью.

– Ну и ну. Я-то думал, что ты обручился с ней как раз затем, чтобы с легкостью затащить к себе в постель.

– Нет. Но так было проще всего подобраться к ее родственникам, понятно? Вижу, что сделал ошибку, не посвятив тебя в свои планы. Нужно же было свалить на кого-то всю вину. Я решил, что ее семья как раз подойдет. Теперь я не просто буду вне подозрений, но избавлюсь заодно и от ее проклятой семейки. Если сумею вести себя правильно, урву кусок их земли, как только король избавится от ее владельцев. Или получу эту землю, когда на трон сядет новый король.

– Умно. Если план сработает. Все знают, что такое эти Армстронги, и хорошо, что бремя вины ляжет на их плечи. Но если обман откроется? Мы очень близки к тому, чтобы избавиться от дурака-короля, его подхалимов и всех тех, кто заставляет его глядеть туда, куда им нужно. Нельзя допустить, чтобы на нас легло хоть малейшее подозрение.

– И не ляжет. Сторонники короля будут слишком заняты охотой на Армстронгов, чтобы смотреть по сторонам. – Встав со скамьи, Уолтер потянулся. – Пойдем-ка лучше в дом. Мош-кара начинает сосать мою кровь, и нам пора обдумать наш следующий шаг, причем самым тщательным образом! Когда мы встретимся с нашими союзниками в следующий раз, я хочу предложить им отличный план, которому они охотно последуют.

Дэвид направился вслед за ним.

– А я надеялся пораньше отправиться спать, да еще в компании с горячей девчонкой.

– Эти радости от нас не уйдут. Ждать осталось недолго. Мне тоже не терпится устроиться поуютнее и наблюдать, как этих воров Армстронгов скрутят и уведут в цепях.

Илзбет боялась пошевелиться. Убедившись, что мужчины действительно ушли в дом, она начала отползать обратно под надежный покров леса, отделяющего земли ее отца от владений Уолтера. Очутившись в глубокой тени деревьев, она встала и, шатаясь, направилась к ближайшему стволу. Там ее вырвало. Тошнота разрывала ей внутренности, пока желудок не заболел, а горло не начало саднить. Тогда, спотыкаясь, Илзбет побрела к соседнему дереву и осела на землю, привалившись к стволу спиной. Руки нащупали бурдючок с сидром, притороченный к поясу. Пришлось обильно побрызгать на себя прохладным напитком и сделать несколько больших глотков, чтобы избавиться от мерзкого привкуса во рту. Она знала – горчит не только из-за тошноты.

– Ублюдок, – прошептала Илзбет, хотя больше всего ей сейчас хотелось крикнуть это на всю округу.

Какой она была душой! Позволила обмануть себя красивому мужчине, поверив в то, что наконец будет иметь свой дом, семью и детей. Уолтер ее использовал, использовал и ее родных, которые приняли его как сына!

Ее семья! Ледяной страх охватил душу Илзбет. Ей даже захотелось снова спрятаться в кустах, но она поборола свою слабость. Нужно сохранять ясную голову, нужно оставаться сильной. Она должна предупредить семью.

Приподняв юбки до самых коленей, Илзбет бросилась бегом через лес в отчаянном желании как можно скорее добраться до дому. Она не знала, когда убили королевского посланника, или что вообще он тут делал, или где его тело; но инстинкт подсказывал, что его скоро обнаружат. Что еще хуже – она была уверена, что Уолтер позаботился о том, чтобы оставить на мертвеце достаточно улики, направить, так сказать, палец правосудия прямо на ее семью.

– Погоди! Туэй¹, погоди!

Услышав знакомый голос, Илзбет остановилась как вкопанная. Даже чуть было не полетела на землю лицом вниз. Удержав равновесие, обернулась и увидела, что к ней скачет кузен Хэмфри. Переводя дух, она ни с того ни с сего снова задумалась о собственном ненавистном прозвище – Туэй! Имя Илзбет досталось ее старшей сестре, которая затем стала

¹ Туэй – от *англ.* two, twa – два.

сестрой Беатрис. Тогда семья попросила ее взять это имя, ведь оно так нравилось маме! Ей не очень нравилось собственное – Клара, и она с удовольствием согласилась. Но, вместо того чтобы называть ее новым красивым именем, братья, сестры и кузены стали звать ее Туэй. Когда Хэмфри встал рядом с ней, она шлепнула его по руке, скорее по привычке. Странно, подумала она, как глупые мысли о житейских делах помогли ей успокоить бушевавший в душе панический страх.

– Тебе нельзя домой, – сообщил Хэмфри, рассеянно потирая руку там, куда она его шлепнула.

– Но мне нужно, – возразила Илзбет. – Против нашей семьи затевается заговор! Я должна их предупредить.

– Хочешь сказать, тот самый, из-за которого в наши ворота ломятся солдаты короля, обвиняя нас в предательстве и убийстве?

Илзбет выругалась вполголоса так, что юный Хэмфри слегка покраснел.

– Я опоздала. – Ноги больше не держали, и она села на землю. – Это все Уолтер!

Хэмфри тоже сел, напротив сестры.

– Откуда ты знаешь?

Илзбет рассказала ему все, что подслушала, и слабо улыбнулась, когда Хэмфри ласково обнял ее за плечи, пытаясь утешить, хотя лицо его застыло от гнева.

– Он хочет обвинить наш клан, сделать дичью на королевской охоте и вместе с сообщниками опорочить нас в глазах короля!

– Я думала, что успею всех предупредить, может, даже предотвратить все это.

– Что ж, еще есть время, чтобы принять кое-какие меры.

– Как же это? Ты только что сказал, что королевская армия стоит у наших ворот.

– Именно, и твой отец держит эти ворота на крепком запоре, чтобы все успели убежать.

Когда ворота откроют силой, в доме не будет никого, кроме нескольких стариков и старух, которые сами решили остаться. Старые, немощные, они не могут ехать быстро, вот и не захотели задерживать остальных.

– Но их могут взять в плен, убить или пытать, чтобы вырвать признание, – сказала она, тревожась о тех, кому предстоит встретить солдат лицом к лицу. Какое, однако, счастье, что ее семья успела уйти!

– Нет. Думаю, на них не обратят особого внимания.

– Так ты здесь, чтобы отвезти меня к остальным?

– Нет. Я должен помочь тебе уйти совсем в другом направлении. Видишь ли, в сердце мертвеца был твой кинжал.

Илзбет закрыла лицо руками, едва сдерживаясь, чтобы не зарыдать. Слезы – признак слабости, а ей нужно быть сильной.

– Я все гадала, где же он затерялся, – сказала она, взглянув на Хэмфри. – И куда же мне бежать, если не к своим? Не понимаю, почему мне нельзя спрятаться вместе с ними.

– Твой отец подозревает, что за всем этим стоит Уолтер, ведь имя этого негодяя уже называли – именно он обвинил Армстронгов в измене. А теперь и ты говоришь, что подслушала все, что говорил этот человек. Ты нужна отцу, чтобы отправиться за помощью.

– У кого? Наших родственников, Мюрреев?

– Нет. – Он вручил Илзбет пергамент. – К сэру Саймону Иннезу. Здесь написано, где его искать, а вот письмо к нему от отца.

– Это имя почему-то кажется мне знакомым.

– Потому что этот человек спас двоих Мюрреев от виселицы, когда их обвинили в убийстве, которого они не совершали. Твой отец говорит, что он выслушает тебя и докопается до истины. А ты ему поможешь, не так ли?

Илзбет быстро взглянула на письмо и спрятала его в потайной карман юбки.

– Думаю, никого из этих Мюрреев не обвиняли в предательстве.

– Не могу сказать, но сейчас у солдат есть веское доказательство – твой кинжал в сердце мертвеца.

– Им не нужны другие доказательства, чтобы Армстронгов объявили изменниками.

– Точно, вот почему тебе следует отправляться к Иннезу как можно скорее. Он тоже человек короля, и все знают – на него можно положиться, если дело касается поиска истины.

Илзбет покачала головой:

– Я должна ехать к слуге короля, чтобы просить его доказать, что я не убивала другого королевского слугу? Но это безумие. Он мне не поверит.

– Может, и не поверит – сначала. Но он обязательно начнет искать правду. Вот почему ему так доверяют. По слухам, этот человек фанатично предан истине. К тому же, Туэй, что еще мы можем сделать ради собственного спасения? На нас объявлена охота. Даже наши родственники Мюрреи будут под пристальным наблюдением. Наверняка солдаты стоят сейчас у их ворот тоже. Разве что арестовывать их никто не собирается. Ни один из нас не сможет и пальцем пошевелить, чтобы добиться правды. Кроме тебя! Они полагают, что ты пряталась за стенами, которые они осадили, и сейчас спасаешься бегством вместе с остальными.

– А мама?

– Она с несколькими помощницами везет младших детей в монастырь к сестре Беатрис. Беатрис и другие монахини не дадут детей в обиду.

– Но мама же не останется? Поедет к отцу и будет с ним?

– Да, скорее всего. Но тебе не стоит тревожиться из-за этого.

Илзбет казалось, что ее сердечко вот-вот разорвется.

– Это я виновата во всем, Хэмфри! Из-за меня Уолтер стал близок нашей семье и заполучил все, чтобы заставить нас отвечать за его собственные преступления!

– Нет, ты не виновата. Твой отец не подозревал его в злых намерениях. – Хэмфри встал и протянул ей руку. – Вставай. Тебе пора в путь.

– Далеко же мне придется идти, – сказала она, поднимаясь на ноги с его помощью.

– Ну нет, ты отправишься верхом. У меня с собой отличный пони да старое облачение, которое оставила Первая в прошлый приезд домой.

– Сестра Беатрис, – пробурчала Илзбет, машинально поправляя кузена. Тоже традиция своего рода. – Мне нужно делать вид, что я монахиня?

– Только пока не доберешься до Иннеза. Всем любопытным можешь говорить, что совершаешь паломничество.

Илзбет шла за кузеном туда, где дожидался ее спокойный горский пони. Хэмфри отвернулся, и она переделалась в монашеское облачение. Она понимала – это отличная маскировка. Видя монашеское облачение, мужчины, как правило, отводили глаза и не всматривались в лицо женщины. Свернув собственную одежду, она хотела сунуть ее в одну из седельных сумок и удивленно замерла, разглядывая то, что обнаружилось в сумке.

– Похоже, меня снарядили в дорогу весьма основательно, – пробормотала она.

– Тебе отлично известно, что отец был всегда готов к любой неожиданности.

Илзбет кивнула, припоминая, сколько раз отец устраивал ложную тревогу, вырабатывая у них навык бегства в случае внезапного нападения врага.

– Никогда не думала, что нам это когда-нибудь пригодится на самом деле.

– И я тоже, но теперь я очень рад, что мы тренировались.

– Ты поедешь к моему отцу?

– Нет, – усмехнулся Хэмфри. – Поеду работать на конюшне у Уолтера. – Он кивнул, увидев, как была поражена Илзбет. – Пару недель назад одна из женщин Мюрреев прислала записку, что вокруг нас сгущаются тучи. Она была уверена, что нам грозит какая-то опасность. Тогда твой отец решил как следует приглядеться ко всем соседям. У меня есть родич,

из Хэпбернов. Он-то и устроил меня на работу в конюшнях Уолтера. Я только успел заподозрить что-то неладное. Но никак не думал, что дело пойдет так далеко.

– И я тоже.

Хэмфри поцеловал ее в щеку:

– Поезжай. Солдаты простоят у наших ворот еще не один час. Постарайся удалиться от них как можно дальше.

Илзбет вскочила в седло и взглянула на кузена.

– Будь осторожен, Хэмфри. Ясно ведь, что Уолтеру все равно, кого использовать или убить, чтобы добиться того, чего он хочет.

– Я буду осторожен. Да и ты смотри. Сделай все, что можно, чтобы мерзавец получил по заслугам.

– В этом я тебе клянусь, Хэмфри.

Илзбет поскакала прочь, размышляя о предательстве Уолтера и собственном легковесии. Она не могла взять в толк, почему была столь слепа и не разглядела в нем зла! Мать часто говорила ей, что у нее дар видеть в людях самую суть. Очевидно, этот дар подвел ее самым плачевным образом. Мужчина, за которого она собиралась замуж, оказался предателем, убийцей и считал ее родных низким сбродом, ворами, которых нужно уничтожить. Как же она этого не видела?

Прискорбно, что ей так мало известно. Из того, что она подслушала, возникали скорее вопросы, чем ответы. Как, например, Уолтер, Дэвид и прочие их союзники планировали убить короля? Зачем вообще им это понадобилось? Ищут власти? Денег? Она не могла представить, что такого мог сделать король Уолтеру, чтобы тот возжелал его смерти.

Чем больше она размышляла, тем больше убеждалась, что совсем не знает Уолтера. Самым его большим грехом она считала некоторую склонность к самолюбанию. Да разве это такой уж большой грех? У него сильное и красивое тело, приятное лицо. Чудесные каре-зеленые глаза, густые светло-каштановые волосы. Этому мужчине было достаточно взглянуть в зеркало, чтобы убедиться в собственной неотразимости, и она говорила себе – чего же удивляться, если он немножко тщеславен? Но себялюбия явно недостаточно, чтобы затеять заговор против короля, не так ли? Неужели Уолтера обуяла дикая мысль самому сделаться королем?

Сумерки сгущались, и скоро наступила ночь. Только теперь Илзбет вдруг поняла, что единственное, из-за чего она не страдает, так это из-за разбитого сердца. Ее сердце болело за близких, она волновалась за них так сильно, что иногда просто начинала задыхаться. Но она не страдала оттого, что потеряла Уолтера; не страдала даже сейчас, когда чуть опомнилась после его предательства и уняла ярость из-за того, что он сделал ее семье.

– Я его не любила, – произнесла Илзбет, и пони повел ушами, будто прислушиваясь к ее словам. – В самом деле, столько всего случилось, а я даже не любила этого мерзавца! Иисусе, мои близкие бегут, спасая свои жизни, и все из-за чего? Из-за того, что глупая Илзбет, как последняя идиотка, попала под обаяние его прекрасных глаз!

Пони фыркнул.

– Да. Очень трогательно. Все, что я чувствую, так это сожаление, что пришлось расстаться с мечтой. Нет, не об этом лживом негодяе, а заветной мечтой о собственном доме и детях. – «Мне уже двадцать один год, думала Илзбет, – и мне ужасно хотелось иметь дом и собственную семью!»

Слишком уж хотелось. Решила во что бы то ни стало воплотить мечты в действительность, за что и поплатилась. Не так ли?

Взмахнув хвостом, пони хлестнул ее по ноге.

– Тебе лучше привыкнуть к моим жалобам и глупой болтовне. Мы будем вместе по крайней мере три дня. Думаю, однако, что тебе нужно придумать имя, потому как, ясное дело, я время от времени буду тебе плакаться.

Как же его назвать? Илзбет вспоминала истории, которые так замечательно умела рассказывать сестра Беатрис. Разумеется, ей куда больше нравились лошади, красивые сильные животные, способные нестись галопом через вересковые поля, кружа ей голову ощущением собственной свободы. Тем не менее она питала глубокое уважение к низкорослым шотландским пони. Ее пони заслуживал достойного имени.

– Голиаф, – произнесла она наконец, и пони – в том не было никаких сомнений – вскинул голову. – Нужно принять меры, чтобы двоюродный братец Уолтера, Дэвид, змей этакий, не подкрался к тебе с пращой и камнем в руках.

Она оглядела залитый лунным светом пейзаж, и на глаза ее навернулись слезы. В эту прекрасную ночь ее семья спасается бегством, ищет, где укрыться, и солдаты идут за ними по пятам. Если кого-нибудь поймают, несчастного ждут муки и унижение, может, даже смерть. Когда-то она еще успеет их спасти! Как же это несправедливо. Ее отец изо всех сил старался восстановить честь их ветви на фамильном древе Армстронгов. Но все оказалось без толку. Словечко от Уолтера, мертвое тело, и вот уже все осыпают их проклятиями.

Теперь Илзбет стала понятна настойчивость, с которой отец учил их всех бежать и прятаться, быстро и без лишних рассуждений. Все эти хорошо оборудованные тайные убежища, тщательно разработанные планы, чтобы его маленький клан смог рассеяться, затеряться в большом мире. Не один месяц понадобился бы тем, кто хотел бы их разыскать! Отец проявил удивительную прозорливость, которой она тогда не понимала и не могла оценить. Сэр Кормак Армстронг всегда знал, что позор, которым запятнали имя их клана его родители и многочисленные бесчестные кузены, может вспомниться в любую минуту, как ни старайся.

– Знай, Голиаф, уж я заставлю Уолтера дорого заплатить за это! Очень дорого.

* * *

Элспет всматривалась в ночную тьму, когда Кормак подошел к ней и обнял за плечи.

– Она там совсем одна, – шепнула Элспет. – Одна, и несет бремя вины за то, чего не совершала.

– С ней все будет в порядке, дорогая. Туэй сильная и упрямая, – сказал Кормак, целуя жену в щеку. – Она также отлично владеет кинжалом и достаточно умна.

– Ты же знаешь – она ненавидит это прозвище.

– Какое? Туэй?

– Именно. Не будь ты ее любимым папочкой, она бы била тебя по рукам, как всех остальных. – Он рассмеялся, и Элспет слабо улыбнулась. – Поклянись мне, Кормак, что ей ничего не угрожает!

– Да, милая, она будет в безопасности.

– Хотелось бы верить. Но она мое дитя, моя Илзбет.

– У нас целых две Илзбет.

– Нет. У меня есть сестра Беатрис и Илзбет. О, моя старшая по-прежнему любит нас всех. Она спрячет и защитит тех, кого вверили ее заботам, но она теперь дитя Божье. Ее сердце, ее душа и помыслы принадлежат Ему. Это было ясно уже, когда она была ребенком: слишком сильно звучал для нее зов Божий. А Илзбет всецело наша. В ней мы видим самих себя – свои добрые и плохие черты. Она была еще младенцем, когда я поняла, что дала ей совсем не то имя, какое следовало бы. Илзбет – это имя для воительницы, для девушки, которая хватается за жизнь обеими руками и готова изведать ее сполна!

– Именно поэтому наша Илзбет, которая раньше была Кларой, добьется победы!

– Ты, правда, веришь в это?

– Да, и не только я. Неужели ты не заметила, что никто не стал смеяться, когда мы сказали, что отправили ее за помощью? Они знают ее силу и упрямство; она будет биться до победы.

– А этот человек, Иннез, он выслушает ее и придет ей на помощь?

– Да, я не сомневаюсь в этом. Я виделся с ним. Он ищет истину как одержимый, не допуская и мысли, что человек понесет наказание за преступление, которого не совершал. Стоит Илзбет лишь поведать нашу историю, как он сразу поймет, что-то здесь неладно, и встанет на след, как лучшая из охотничьих собак. Поверь мне – насколько я слышал, любой преступник трепещет при мысли о том, что по его следу идет Саймон Иннез. Иннез всегда докапывается до правды. И я не могу представить себе, что он отправит нашу девочку восвояси. Эти ее огромные голубые глаза и все такое! Я уже начинаю жалеть беднягу.

– Почему?

– Потому что наша Илзбет поставит все в его жизни с ног на голову.

– Но хорошо ли это?

– Когда ты проделала со мной нечто подобное, это было сущим спасением, любимая! Может, и ему повезет.

Глава 2

– Сестра...

Илзбет смотрела на мальчика, который шагнул к ней из тени густых древесных крон, окружающих ее небольшое укрытие. Она по чистой случайности заметила его. Очевидно, мальчик отлично умел прятаться от людей, но вот без еды обходиться он явно не научился. Он был страшно худ – кожа да кости. Наверное, сирота или бездомный.

Илзбет вздохнула. Она только-только сделала привал, чтобы подготовиться к концу путешествия и хорошенько обдумать то, что скажет Саймону Иннезу, когда постучит в его дверь. А тут этот мальчуган в лохмотьях. Ей не хотелось обременять себя новой заботой.

Мир мог быть жесток к детям, особенно нежеланным, осиротевшим и одиноким. Если бы она могла, собрала бы их всех к себе. Но времени на розыски не было, да и пустой кошелек делал задачу невыполнимой. Ее семья, Армстронги и Мюрреи, как могли, помогали таким детям. Слабое утешение, но все лучше, чем ничего.

– Да, малыш, чем тебе помочь? – спросила Илзбет и тут же смутилась из-за того, что ей приходилось лгать ребенку, который скорее всего подумал, что она монахиня.

– Вы не поделитесь едой с моей сестрицей хоть чуть-чуть?

– С сестрицей? Не с тобой?

Его бледные щеки залились таким ярким румянцем, что его было видно даже под слоем грязи на лице.

– Ну, я бы тоже не отказался поесть, совсем чуток, если вы будете так добры. Но малышка совсем голодная.

Судя по росту и правильной речи, можно было заключить, что мальчику, должно быть, не меньше шести. Может, он и старше, ведь недоедание наверняка замедлило рост. Выходит, его сестра совсем малышка.

Она чуть не выругалась. Не вовремя же она наткнулась на этих сирот! Ее преследует опасность, но и этих детей она не может бросить умирать с голоду, иначе они непременно погибнут. Сэру Саймону Иннезу придется войти в ее положение.

– Приведи девочку и садись к огню. Еды хватит на всех, – сказала Илзбет.

Мальчик бросился назад к деревьям и вскоре появился вновь, ведя за собой крошечную девочку. Пока они шли к ее скромному костерку, Илзбет смогла как следует рассмотреть обоих. Она сразу поняла, кому доставалась почти вся еда. Девчушка тоже была в обносках, но не так сильно исхудала, как ее брат. Густые золотисто-рыжие волосы, огромные карие глаза – этого было бы достаточно, чтобы растопить самое жестокое сердце. Илзбет оставалось лишь надеяться, что сэра Саймон ее поймет; ведь теперь эти дети – ее, разве что мальчик все-таки сообщит, что у них поблизости есть родня.

– Как вас зовут? – спросила она, подавая им хлеб и сыр.

– Меня зовут Рейд Бернс, а это моя сестра Элен, – ответил мальчик.

– А почему, Рейд, вы бродите по лесу одни?

– Наша мама умерла, а человек, с которым она жила, выгнал нас из домика, в котором мы жили. Сказал, что разрешал нам жить там, потому что мама согревала его постель. А теперь, когда ее нет, дом понадобился ему для новой жены.

– Значит, вы не его дети?

– Ну как же, Элен-то его дочь, но у него есть жена и восемь других ребятшек, так что Элен ему без надобности. Но я думаю, он просто не хочет, чтобы жена знала, что он жил с другой. – Покраснев, мальчик бросил на Илзбет встревоженный взгляд. – Прошу прощения, сестра!

Илзбет махнула рукой.

– Никогда не извиняйся, если говоришь правду, какой бы горькой и бесцеремонной она ни была. А что за бессердечная скотина выгнала из дому собственного ребенка?

– Его зовут Дональд Чизхолм.

Илзбет поклялась себе – если сумеет выбраться из переделки, в которую угодила, обязательно позаботится о том, чтобы этот Дональд Чизхолм получил основательный урок насчет того, как надлежит вести себя мужчине и отцу. Этот человек, видно, полный дурак, раз выгнал из дому таких миленьких детей. Илзбет смотрела, как они едят – очень деликатно, несмотря на то что сильно голодны. Похоже, их мать не была дочерью простого пастуха-бедняка. А при мысли о том, как Рейд заботился о младшей сестренке, у Илзбет навернулись слезы на глаза. Ей даже пришлось пошмыгать носом, чтобы не разреветься.

– Вы так добры, сестра, – робко сказал Рейд, подняв на Илзбет испуганные карие глаза.

– Сколько тебе лет, Рейд? – спросила Илзбет с улыбкой.

– Семь. Почти семь. А Элен как раз накануне исполнилось два.

– Поздравляю, Рейд и Элен. А я Илзбет Армстронг. – Она терпеливо дожидалась, пока до него дойдет смысл сказанного, и совсем не удивилась, когда он нахмурился.

– Странное имя для монашки. – Покраснев, он сделал большие глаза. – Но, знаете, я ведь мало что смыслю. Конечно, это хорошее, достойное имя и все такое. Просто раньше не приходилось его слышать.

Илзбет вздохнула. Похоже, сейчас не остается ничего другого, как сказать правду.

– Я не монашка. Мое облачение – маскарад. Мне нужно целой и невредимой добраться до одного человека, помощь которого мне нужна. Поэтому монашеское одеяние должно скрыть меня от врагов. Моим кинжалом зарезали одного из людей короля. Но я не убивала его; зато отлично знаю, кто это сделал.

– У вас нет родных, чтобы помочь?

– Их преследуют те, кто охотится за мной. Если бы один из двоюродных братьев не перехватил меня, когда я бежала домой, то я давно бы была у них в руках! Он дал мне монашескую одежду, еду и этого пони и велел скакать к сэру Саймону Иннезу просить помощи. Он обязательно найдет настоящего убийцу и докажет мою невиновность. К нему-то я как раз и направляюсь. Сказать по правде, я почти у цели. Села тут, чтобы набраться смелости пойти и постучать в его дверь.

Судя по грустному выражению лица мальчика, он лелеял надежду, что она поможет ему и сестре. Ясно, что ее рассказ убил эту робкую надежду. Если она спасается бегством, защищая собственную жизнь, то уж ей точно не до них.

– Я рассказываю тебе это лишь затем, Рейд, чтобы ты знал, чего ожидать, если ты решишь остаться со мной, – объяснила она.

– А вы возьмете нас с собой?

– Не могу же я бросить вас здесь одних. Вы умрете с голоду.

Мальчик встал и расправил плечи.

– Я сумею позаботиться о себе и сестре, – заявил он с гордостью.

– Конечно, сумеешь и уже это доказал. Но разве тебе не хочется иметь крышу над головой, чистую и теплую одежду, уютную постель и вдоволь еды?

– Думаете, сэр Иннез пустит нас к себе в дом? Говорят, у этого человека ледяное сердце, и он верит только в справедливость.

– Так и говорят? А ты, случайно, пришел не из этой деревни?

– Нас оттуда выгнали. Я не знал, куда идти, вот и остался поблизости.

Илзбет надеялась, что он остался неподалеку от деревни потому, что там нашлись добрые люди, которые время от времени делились с детьми едой – но, видно, ошиблась.

– И все-таки мы пойдем к сэру Саймону. Если у него нет сердца и он откажет в помощи нам всем, найдем другого, того, кто поможет. Моим родным приходится скрываться, но у

меня есть и другие родственники, семья Мюрреев. Не все Мюрреи ушли в горы. Я не хочу навлекать беду на их дома, но я отвезу вас к ним. Они вас не бросят.

Некоторое время мальчик смотрел на Илзбет, а затем улыбнулся. Ни грязь, ни губительное действие голода не могли скрыть того, что он очень красив. Илзбет улыбнулась в ответ и в душе поклялась, что найдет для детей спокойное место. Если сэр Саймон Иннез настолько бессердечен, чтобы отказать ей в помощи, хотя бы приютить детей, она доставит их к Мюрреям, чего бы ей это ни стоило.

Тихий голос предостерег Илзбет, что она идет по опасной дорожке, пытаясь спасти детей, но она велела голосу заткнуться. Если сэр Саймон откажется помочь ей или хотя бы детям, у нее не останется выбора. Разумеется, ей совсем не хотелось столкнуться лоб в лоб с опасностью по дороге обратно домой, поэтому она отчаянно стала молиться в душе, чтобы сэр Саймон вопреки слухам оказался не только холодным искателем справедливости, но и просто добрым человеком. Хотя, подумала она с усмешкой, не мешало бы ему найти справедливость в отношении этой свиньи по имени Дональд Чизхолм!

– Почему вы улыбаетесь? – спросил Рейд.

Илзбет заметила, каким взглядом он смотрит на оставшийся кусок хлеба и сыра, и велела ему взять все это и поделиться с сестрой.

– Я просто подумала, как удивится сэр Саймон Иннез!

– Ох, что да, то да. Думаю, ему не очень понравится.

– Посмотрим.

– А почему ваша родня думает, что он станет вам помогать?

– Потому что он уже помог двоим моим родственникам, когда их обвинили в убийствах, которых они не совершали.

Рейд задумался.

– А почему вас то и дело обвиняют в убийствах?

Рассмеявшись, Илзбет потрепала его по волосам:

– Не знаю, парень! Похоже, нас сглазили.

– Да, есть немного. Или это из зависти. Мама говорила, что зависть заставляет людей делать другим всякие мерзости.

– Твоя мама была мудрой женщиной.

– Я по ней скучаю, – сказал Рейд тихо.

– Конечно, ты скучаешь по ней! Тут нечего стыдиться. Но, думаю, я достаточно насиделась тут, стараясь набраться храбрости пойти и постучать в двери сэра Саймона. Если не хватит смелости сейчас, не хватит никогда. Лучше всего нам закончить это путешествие.

– А вы боитесь? – Рейд незамедлительно начал собирать остатки еды, помогая Илзбет укладывать сумки.

– Совсем чуть-чуть, – ответила Илзбет, смочив салфетку и ласково обтерев личико и ладошки Элен. – Хотела бы я верить в этого человека так, как верит моя семья. Но я ни разу его не видела. Трудно довериться незнакомцу, особенно если дело касается таких вещей, как убийство и измена. Да и он меня не знает. С чего бы ему мне верить?

– Но вы говорите, что он уже помогал вашей семье?

– Да. Он помог моим двоюродным братьям, Мюрреям. Но их я тоже толком не знаю, так что не могу сказать, что много слышала о сэре Саймоне. Я наполовину Мюррей; все остальное во мне от Армстронгов.

– Это плохо?

– В каком-то смысле – ничего хорошего, мальчик. Мой маленький клан, мой отец-лэрд – все они добрые, честные люди, чего никак не скажешь о старших. Они здорово запятнали честь нашей семьи, потому что кое-кто из родственников отца погряз в бесчестье. – Она поморщилась. – Знаешь, среди моей родни немало воров. – Мальчик было рассмеялся, и

она усмехнулась, помогая детям взобраться на Голиафа. – Я не слишком обижусь, если он предпочтет видеть во мне родственницу Мюрреев, по крайней мере поначалу.

– Если он откажется вам помогать, помогу я, – заявил Рейд.

– Ты хороший, храбрый парень. – Илзбет взяла поводья и направилась к городку, ведя за собой пони. – Но тебе нужно заботиться о сестре, поэтому остается лишь уповать на то, что сэр Саймон действительно такой ярый борец за правду, как о нем говорят.

Тем более что у самой Илзбет не было никакого другого плана. Она попыталась придумать что-нибудь на ходу. Но сейчас, когда путешествие близилось к концу, ее голова работала ничуть не лучше, чем в долгие часы, проведенные в дороге. К тому времени, как Илзбет очутилась у дверей дома сэра Саймона Иннеза, она потеряла всякую надежду придумать что-нибудь умное. Оставалось лишь истово молиться, что этот человек ее спасет.

* * *

Саймон Иннез развалился в кресле у огня, с бокалом отличного вина в руке и хмуро взирал на лежащего на его коленях кота. Было ошибкой поддаться приступу милосердия и накормить этого огромного черно-белого котяру. Кот съел угощение и преспокойно вошел в дом. Иннез поглядел на своего пса. Зубастый лежал у его ног, и его нос украшала свежая царапина. Кто бы мог подумать, что огромный злой пес трусливо отступит перед бездомным котом, который безнаказанно лупит его лапой по носу!

Вздохнув, Иннез осторожно погладил кота, и тот глухо, раскатисто заурчал. По крайней мере это было приятней, чем слушать его храп. Да и выглядел зверь после того, как им собственноручно занялась Старая Бега, гораздо лучше. С видом оскорбленного достоинства кот перенес мытье и расчесывание, после чего ему втерли в шерсть какое-то масло, чтобы истребить блох.

– Разумеется, стоило смириться с этой маленькой неприятностью ради того, чтобы устроиться перед огнем, предварительно набив брюхо курицей, – медленно произнес Иннез, делая новый глоток вина. – Просто не верится, что я разрешил тебе лежать на моих коленях. Мужчины не жалуют кошек, знаешь ли. – Кот повернул голову, чтобы Саймону было удобнее чесать его за потрепанным ухом.

«Я веду себя, как старик», – сердито подумал он. Хотя ему вот-вот должно было исполниться только тридцать. Если подумать, тридцать – не так уж и много, невзирая на тот факт, что слишком много людей вообще не доживает до этого возраста. И уж точно тридцать – слишком мало, чтобы в одиночестве коротать вечера у огня, беседуя с котом и собакой. Несколько месяцев Иннез ничего другого не делал. Появление кота было единственным событием в его тихой с некоторых пор жизни. Саймон поморщился: он становится затворником.

Пора бы завести жену, подумал он, чувствуя, как от болезненной тоски сжимается сердце. Бывают верные женщины. Браки иногда заключаются на небесах. Он видел такие союзы и таких женщин совсем недавно, когда занимался делами Мюрреев. Одна часть его души, все еще уязвленная событиями прошлого, хотела бы оспорить этот факт, содрогаясь при одной мысли о женитьбе, но он сказал себе, что давно пора преодолеть страх. Если уж Торманд Мюррей, который успел соблазнить половину женского населения Шотландии, сумел найти такую жену, как Морэн – любящую, преданную женщину, наделенную и смелой душой, и острым умом, и редким даром видений, можно было надеяться, что и для него, Саймона, найдется где-нибудь такая же. Даже Джеймс Друммонд, приемный сын Мюрреев, которого обвинили в убийстве своей первой жены, нашел добрую женщину.

– Так отчего же я сижу тут, глажу драного кота, вместо того чтобы ласкать обольстительную женушку? – пробормотал он.

Кот немедленно запустил когти в ногу Саймона, словно возмущаясь нелестным эпитетом «драный».

Саймон подавил желание сбросить кота с колен. Он бы ни за что не признался вслух, но исходящее от зверя тепло, его мягкая шерсть и урчание странным образом успокаивали. Наверное, поэтому многие женщины так благоволят к кошкам, несмотря на все суеверия, связанные с этими созданиями.

Саймон как раз размышлял, не сдаться ли на милость судьбы и не придумать коту имя, когда в дверь постучали. В комнату вошел камердинер Макбин. Опять он не дождался, когда ему разрешат войти! Немало времени ушло на то, чтобы научить его хотя бы стучать в дверь.

– Как я посмотрю, этот мерзкий кот все еще здесь, – сказал Макбин, глядя на кота. – Прикажете выкинуть его вон?

– Думаю, он снова проберется в дом, – ответил Саймон.

Макбин фыркнул.

– Старухе не стоило тратить на него еду и воду. До чего потрепанный кот – хуже старого одеяла моей тетушки. И шрамов больше, чем у нее.

Саймон прикусил язык – так и рвался вопрос о том, откуда взялись шрамы у старой тетки Макбина. Излишнее любопытство было его главным и непреходящим грехом. Страсть, которую он питал к разоблачению тайн и нагромождению лжи, плохо сочеталась с возможностью заводить и сохранять друзей, хотя это его не особенно печалило. Саймон признавал также, что у него самого есть тайны, которые он предпочел бы видеть погребенными глубоко в прошлом. Старая Бега знала об этих тайнах, потому что приехала с ним из дома, где он провел детство, и свято хранила их, несмотря на то что обожала посплетничать.

– Какой толк от кота, если он сыт и счастлив, спрашиваю я вас? – продолжал Макбин, очевидно, не дожидаясь ответа. – Единственный смысл кошачьего существования – ловить мышей. А этот зверь не станет ловить мышей, если старуха будет и дальше набивать ему брюхо.

– Макбин, – перебил слугу Саймон, прежде чем тот успел заговорить вновь. – Ты явился сюда лишь затем, чтобы рассуждать о кошках?

– Нет. У меня письмо от короля.

– Так и подозревал, что должно быть что-то поважнее, чем обсуждение достоинств бездомного кота, – сообщил Саймон, принимая от Макбина письмо.

– Но король не пытается у нас поселиться, так ведь? И у него нету блох.

– Я не был бы так в этом уверен. Да и у кота их больше нет, благодаря стараниям Старой Беги.

– Нахватает снова.

Но Саймон не обращал на него внимания, и Макбин затеял игру в гляделки с котом. В письме содержались поразительные известия, настолько плохие, что Саймон залпом осушил бокал и протянул Макбину, чтобы тот налил еще. Убит один из людей короля! Хуже того, этот человек оказался его двоюродным братом, которого к тому же король любил. Юный Йен Огилви прибыл к ним, потому что в округе ходили слухи об измене, о том, что против его коронованного кузена и благодетеля плетется заговор. Клан Армстронгов, на который возлагалась ответственность за содеянное, Саймону был незнаком, но его знали все, и представители его имели репутацию отъявленных воров. У Саймона в жилах застыла кровь: эта ветвь Армстронгов через брак породнилась с Мюрреями. Если Мюрреи еще не пустились в бег, чтобы где-нибудь отсидеться, им, возможно, очень скоро придется это сделать.

– Плохие новости? – поинтересовался Макбин.

– Ничего хорошего. Убийство, предательство, обвинения, которые, кстати, уже бросили тень на Мюрреев. – Саймон побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. – В деле

замешаны Армстронги, а они приходится родней Мюрреям. Слишком тесная связь, и король хочет узнать, не затевают ли и Мюрреи заговор против него.

– Королю и его советникам вечно мерещатся заговоры.

– Ты прав, но на сей раз подозрения небеспочвенны. Сэр Йен Огилви был уверен, что заговор есть, и прибыл сюда, чтобы узнать ответы на некоторые вопросы. Вместо этого получил кинжал в сердце, кинжал Армстронгов.

Макбин нахмурился и покачал головой:

– Нет. Не могу себе представить, чтобы этот клан надумал заниматься заговорами и подобной чепухой. Никакие королевские законы им не указ, кто бы ни сидел на троне. Зачем утруждать себя заговорами против человека, которому они все равно не подчиняются? Вот если бы вы сказали, что они угнали королевское стадо! Тогда бы я не усомнился. Но измена, интриги? Нет и нет.

– И я того же мнения. Кроме того, сэр Кормак Армстронг, кажется, старается обелить свою репутацию, поднявшись выше вороватых родичей.

– Король просит вас выследить убийцу?

– Да, это, а еще найти, кто, кроме Армстронгов, интригует против него. Вот если бы король пожелал, чтобы я нашел истинного преступника! Но он не задается подобным вопросом, из чего я заключил, что он и в самом деле решил, что виновны Армстронги из Эйгбаллы. Вот что меня тревожит.

Но прежде чем Макбин успел выразить свое недовольство тем, что хозяину предстоит заняться расследованием заговора против короля, раздался стук в парадную дверь. Макбин торопливо удалился, чтобы взглянуть, кто пришел. Видя раздражение слуги, Саймон усмехнулся, а затем продолжил изучать письмо, которое все еще держал в руке.

Ему придется исполнить приказ короля, но душа не лежала к этому делу, хотя совсем недавно он страстно мечтал, чтобы подвернулась какая-нибудь загадка, требующая его участия. На сей раз предстояло не просто докопаться до истины – нужно было защитить друзей. Саймон сомневался, что семья Кормака Армстронга может быть причастна к убийству, но это не значило, что среди Армстронгов не нашелся кто-нибудь, решивший затеять опасную игру. Он выдернет больной зуб, но это может стоить ему потери тех немногих друзей, которые у него были.

Возвращение Макбина отвлекло Саймона от мрачных раздумий. Он взглянул на слугу:

– И кто же там, в дверях? Еще одно письмо?

– Нет. Там монашка с двумя малышами, – ответил Макбин таким тоном, словно возвещал о прибытии самой смерти собственной персоной.

– Монахиня?

– Именно, и она говорит, что должна с вами побеседовать. Неужели вы спутались с какой-то женщиной и не сказали старухе? Наша карга не обрадуется, если так.

– Нет, ни с кем я не путался. А случись такое, Бега бы уже знала. Может, монахиня хочет, чтобы я помог найти людей, желающих взять к себе детей. Проведи ее сюда, Макбин, да принеси нам чего-нибудь поесть и выпить.

Как только Макбин с ворчанием удалился, Саймон согнал с колен кота и поднялся из кресла. Покашливание Макбина заставило его обернуться.

– Сэр Саймон Иннез? – спросила монашка.

– Да, – ответил он, кланяясь. – Чем могу служить, сестра?

– Мне нужна ваша помощь. Я должна узнать правду.

Саймон посмотрел на детей, цеплявшихся за юбку монашки. Вид у них был голодный, а одежда давно превратилась в лохмотья. Их лица были ему не знакомы.

– Вы ищете родственников этих детей?

– Нет. Они уже сказали мне, что у них никого нет, кроме одного человека, которому следовало бы заботиться о них, но именно он выгнал их из дому. Когда-нибудь я постараюсь, чтобы он получил за это сполна, но сейчас помощь нужна мне самой, ибо я в беде, как и моя семья.

– Но кто же вы?

– Мое имя Илзбет Армстронг. Я дочь сэра Кормака Армстронга из Эйгбаллы и Элспет Мюррей.

Глава 3

Первой связной мыслью Саймона было то, как он рад, что эта девушка не монахиня. Впрочем, какая разница, если она с ног до головы в монашеском облачении, поэтому он выбросил эту мысль из головы. Это оказалось делом не столь легким, как должно бы, потому что он успел заглянуть в ее огромные ярко-синие глаза. Ее глазами смотрела сама невинность; но он не знал, можно ли доверять этой невинности. В выражении ее лица ясно читались и испуг, и решимость.

– Кажется, я как раз читал про вас, – сообщил он и показал ей письмо от короля. Легко было узнать королевскую печать.

На какой-то миг он испугался, что она сейчас упадет без чувств, поскольку ее лицо внезапно лишилось красок. Саймон сделал шаг к ней и застыл в нерешительности. Она не покачнулась, но, напротив, решительно расправила плечи и вздернула подбородок. Румянец постепенно вернулся на ее нежные щеки, а прекрасные глаза гневно сверкнули. Но что было причиной ее злости? То, что ее оболгали, или тот факт, что он уже предупрежден о ее злодеянии? В том, что касалось женщин, Саймону всегда хотелось верить собственным суждениям. Однажды он доверился чужим рекомендациям и жестоко за это поплатился. Теперь, чтобы завоевать его доверие, требовалось гораздо больше, чем пара прекрасных глаз или полных, соблазнительных губ.

– Это ваши дети? – поинтересовался он, кивнув в сторону малышей. Впрочем, подумал он, она слишком молода, чтобы быть матерью мальчика.

– Теперь – да, – ответила она. – Рейд и Элен. Вы желаете выслушать мою историю или сразу потащите к королю?

Так и следовало бы поступить, подумал Саймон. По-хорошему, ее нужно было бы надежно запереть в тюремной камере, пока он будет расследовать дело. Но здравый смысл подсказывал, что сначала он должен выслушать ее историю, а уж потом сажать под замок. Чутье подсказывало, что она лишь пешка в чьей-то смертельной игре. Будь на ее месте мужчина, Саймон обязательно доверился бы интуиции. Впрочем, этих соображений было вполне достаточно, чтобы усомниться, стоит ли отдавать ее людям короля, которые наверняка обойдутся с ней жестоко. После череды предательств король, вероятно, пожелает ее смерти, и она не доживет до того момента, когда будет доказана ее невиновность. Мало того, что он даром потратит время на расследование, так еще и допустит напрасную казнь.

– Садитесь, – сказал Саймон. – Я выслушаю все, что вы сочтете нужным мне сообщить, и уж тогда решу.

Илзбет рассматривала мужчину, в доме которого оказалась по воле судьбы. Он был высок, шести футов или даже выше ростом, и худой, даже слишком худой. Но в его физической силе этого стройного тела она ни на миг не усомнилась. У него было такое лицо, что сразу становилось ясно – пощады не жди. Резкие черты от высоких скул до твердой линии подбородка. Даже нос срезан под острым углом, слишком крупный для лица. Густые черные волосы, стянутые в хвост, похоже, были слишком длинными. Прямые черные брови и длинные темные ресницы несколько не смягчали холодную сталь серых глаз. Единственная мягкая линия в лице прослеживалась в некоторой полноте нижней губы. И уж конечно, никакого намека на мягкость не было в его низком голосе и ледяном тоне.

Было в этом человеке нечто такое, отчего кровь забурилась в жилах Илзбет. Она начала подозревать, что мать и кузины не были уж такими странными, когда рассказывали, как чувствовали себя, когда встретили предназначенного им мужчину, как колотились их сердца и кипела кровь. Илзбет была готова мурлыкать от удовольствия, разглядывая этого сурового мужчину, от которого теперь зависела ее жизнь.

Стряхнув наваждение, она подтолкнула детей к кушетке возле камина. Села сама, и дети прижались к ней. Саймон сел в кресло, расположившись так, чтобы видеть ее лицо. Она поймала себя на мысли, что зачарована грацией его неспешных движений, и в душе укорила себя за это. Совсем неподходящее время для того, чтобы наивно восхищаться мужчиной, особенно после того, как другой мужчина всего несколько дней назад жестоко предал ее. С другой стороны, ее восхищение еще раз доказывало, что она не любила Уолтера; эта мысль ее немного утешила.

– Но ваше признание может немного подождать, – сказал Саймон, когда в комнату вошли Макбин и Старая Бега с подносами еды и питья.

Илзбет сверкнула глазами, услышав слово «признание», однако ее вниманием тут же завладела женщина, которую сэр Саймон представил как Старую Бегу. Полная и седовласая, она, казалось, нисколько не робела в присутствии грозного хозяина. Служанка принялась хлопотать вокруг детей. Худой, как жердь, слуга по имени Макбин только хмурился, глядя на них.

– Ох, да вы только посмотрите на этих милых крошек, – ворковала Старая Бега. – Их нужно вымыть и переодеть в чистое. – Она подхватила Элен на руки. – Пойдемте-ка со мной, вы оба, и будем мыться прямо сейчас. Потом вернетесь сюда и как следует поедите.

– Но, – начала Илзбет, совсем не уверенная, что хочет остаться наедине с сэром Саймоном.

– Вы только не сердитесь, – сказала на ходу Старая Бега. – Я приведу их назад сразу же, как они сменят свои лохмотья на чистую одежду. Идем, Макбин!

– Идем, Макбин, – проворчал слуга, направляясь вслед за женщиной. – Принеси то, сделай это! Ты только не сердись, старая, но я не подряжался на тебя работать.

Дверь за ними плотно затворилась. Илзбет с тоской посмотрела на закрывшуюся за ними дверь и подумала: вот бы выскочить в коридор, следом за этой доброй женщиной! Потом перевела подозрительный взгляд на Саймона. Вряд ли у него было время спланировать их уход, однако отсутствие в комнате детей было ему очень на руку.

– Я тут ни при чем, – сказал он. – Бега терпеть не может беспорядка и обожает детей. Вот и все. Однако это очень кстати. Не стану отрицать, что именно так и распорядился бы сам, будь у меня время подумать. Лучше обсудить наше дело наедине, чтобы дети не слышали.

– Возможно. – Илзбет налила себе сидра и взяла намазанную медом овсяную лепешку. – Значит, вы хотите услышать мое признание прямо сейчас?

– Вас обидело это слово, не так ли? – Ему пришлось бороться с желанием прогнать поцелуем горькую усмешку с ее полных мягких губ.

Илзбет подняла глаза к потолку, а потом спросила:

– Хотите, чтобы я начала с того самого момента, как стала увязать в этой трясине? Или собираетесь просто задавать вопросы?

– Начинайте по порядку. Кстати, снимите сначала эту штуку с головы. Не нужно и далее притворяться монахиней.

Стоило Илзбет сбросить с головы покров, как Саймон пожалел, что попросил ее об этом. Снимая наголовник, она задела волосы, которые были заколоты наверх, и густые пряди, черные как смоль, упали вниз до самой талии. Саймон с силой сжал ножку бокала, борясь с искушением коснуться волос гостью.

Ему стало легче, когда она заговорила, хотя соблазн ее хриповатого голоса мешал ему сосредоточиться, окончательно выбросить из головы мысль о том, как чудесно было бы почувствовать эти роскошные волосы на своей обнаженной коже.

– Сейчас мне понятно, что все началось еще тогда, когда за мной стал ухаживать сэр Уолтер Хэпберн. – Она горько усмехнулась: – Мне следовало быть осторожней, присмот-

реться к нему внимательней, потому что никто из его семьи никогда не имел с нами дела. Но мне двадцать один год, и, конечно же, я не хотела упустить шанс завести собственную семью и детей.

Саймон удивился. Как может столь соблазнительная девушка бояться, что останется старой девой? Она была миниатюрной, и одеяние монахини скрывало многое, но не все. Он видел, что она может похвастать округлостями, столь приятными для глаз мужчины.

– Итак, вскоре мы обручились. Затем, по мере того как близился день свадьбы, я почувствовала перемену в моем женихе. Я решила, что он, должно быть, завел любовницу. – Илзбет покраснела: – Он очень предприимчивый мужчина, так что...

– А он не пытался соблазнить вас до свадьбы?

– Нет. Попробовал однажды, но я дала ему отпор. Больше он не пытался. Вот почему я решила, что у него есть любовница. Тогда я пошла к нему домой, но вскоре, попрощавшись, ушла. Потом, просидев в лесу около часа или больше, я подкралась к дому. У Уолтера не было никакой любовницы, зато я услышала, как он разговаривает с двоюродным братом, Дэвидом. Дэвид восхвалял Уолтера за готовность принести себя в жертву. – В голосе Илзбет зазвучали горечь и гнев, но она и не думала их скрывать. – Уолтер объявил, что его жертва – ненадолго. А то, что Дэвид сказал дальше, раскрыло мне глаза на его поступки.

– И что же он сказал? – спросил Саймон, когда Илзбет погрузилась в молчание.

– Дэвид поинтересовался, как же Уолтер может говорить, что никакой жертвы не будет, если все обвиняют его в убийстве королевского посланника. Я подумала, что Уолтер приносит себя в жертву, но скоро поняла, что ошибаюсь. Роль жертвенного агнца была уготована мне. Уолтер сказал также, что собирается меня спасти, и мне наверняка придется бежать из Шотландии. А у него есть домик во Франции, в котором он намеревался меня спрятать.

Саймон видел – этот рассказ причиняет его гостье боль, и задумался, насколько сильно она любила этого Хэпберна.

Илзбет сделала глубокий вдох, пытаясь бороться с подступающим к горлу гневом.

– Дэвид страшно удивился, что Уолтер все еще намеревается на мне жениться. Однако Уолтер выразился весьма ясно, что никогда не собирался этого делать, что я его недостойна, что он не допустит, чтобы кровь Армстронгов испортила их чистую кровь. Он сказал, что я буду жить с ним в качестве его любовницы до тех пор, пока ему не надоем! Вся история с обручением была частью его плана. Он хотел подобраться к моей семье, узнать о них побольше, чтобы выведать, как лучше свалить на них вину за преступление. Этот человек задумал известить мой клан. Он даже решил, что сможет прибрать к рукам наши земли, если поведет себя правильно и сблизится с королем. Или, быть может, король умрет, и новая власть его щедро одарит. – Она задумалась. – Полагаю, он знал – мы не сдадимся просто так, и у него появится отличный шанс, пока солдаты короля будут слишком заняты, разыскивая нас. Тогда он сможет привести в исполнение свой план – солдатам будет не до него.

– А он сказал, в чем именно состоит его план?

– Нет. Дэвид заговорил о том, как бы избавиться от глупого короля, его льстецов и всех тех, кто вертел королем, как хотел. Никто не захочет навлечь на себя подозрения. Могут лишь догадываться, что Уолтер задумал, чтобы моих родственников переловили и повесили прежде, чем он воплотит в жизнь свой план. Тогда у него будет возможность наложить лапу на наши земли. С другой стороны, он думал, что новый король, возможно, захочет их ему подарить. Так они говорили. А после этого оба ушли в дом.

– И вы не пытались узнать больше?

– У меня не было времени. Уолтер говорил, что ему нужно тщательно обдумать свой следующий шаг. Он хотел от души насладиться зрелищем Армстронгов, закованных в цепи. Я побежала домой, чтобы предупредить своих о заговоре, но мой кузен Хэмфри перехватил меня по дороге. Сказал, что уже слишком поздно: нашли королевского посланника, в сердце

которого торчит мой кинжал, и солдаты уже стучат в ворота Эйгбаллы. Мои домашние дали кузену все, что мне понадобится в дороге, и велели ехать к вам. – Она покачала головой: – Подумать только, я считала, что у Уолтера есть лишь один серьезный недостаток – самолюбование.

– Неужели вы обручились с таким мужчиной?

– У Уолтера есть некоторые причины восхищаться собой, да и мать его испортила. – Из кармана юбки Илзбет достала письмо, написанное отцом, и подала Саймону. – Тут нет ничего особенно важного, разве что отец сообщает, что подозревает Уолтера, и что я должна приехать к вам просить помощи. Итак, вы мне поможете? Или отправите к королю?

Некоторое время Саймон не отвечал, читая короткое послание от ее отца. Из письма сэра Кормака, адресованного Саймону, вряд ли можно было извлечь что-то важное, что помогло бы ему вынести суждение, единственное, что говорило в пользу Армстронгов, – это то, что им была известна его репутация; следовательно, отправляя к нему Илзбет, они надеялись, что он выяснит правду и докажет их невиновность.

– Нет, сейчас я не стану отправлять вас к королю, – сказал Саймон, возвращая Илзбет письмо отца. – Тем не менее вас будут искать, и лучше всего вам вообще не покидать мой дом.

Илзбет проглотила злые слова, которые готовы были сорваться с ее губ. В конце концов он ее совсем не знает и имеет полное право требовать доказательств ее невиновности, прежде чем поверит ей на слово. На ней клеймо предательницы и убийцы. Любой, кто станет ей помогать, будет в опасности. И глупо надеяться, что одного ее слова окажется достаточно, чтобы перевесить все то, что произошло.

Илзбет очень обрадовалась, когда вернулись дети; так легче было сдержаться и не наговорить лишнего человеку, от которого зависела ее жизнь.

Бега поработала на славу, подумала Илзбет, когда увидела детей. Рейд и Элен были чисто вымыты и одеты в простую, но добротную одежду. К тому же их покормили, и теперь они выглядели просто замечательно. Решительно, это были очень красивые дети! И ей будет одно удовольствие заботиться о них, пока Саймон найдет семью, заботам которой сможет их перепоручить.

Саймон прикоснулся к ее плечу, и Илзбет перевела взгляд с детей на него. Быстро оглядевшись, она убедилась, что слуги уже ушли. Кивнув в сторону окна, Саймон сделал знак следовать за ним.

– Чьи это дети? – спросил Саймон, убедившись, что Рейд и Элен его не слышат.

– Мои, – ответила она, понимая, что ее желание оставить у себя брата с сестрой звучит как вызов.

Саймон едва не улыбнулся. Илзбет достанет упрямства, чтобы сражаться с ним за право оставить у себя детей. Тот факт, что она заботилась и берегла двух найденышей, говорил в ее пользу и заставлял поверить в ее рассказ. Но вслух он этого не сказал. Лишь выразительно приподнял бровь, молча призывая ее сказать правду.

Илзбет вздохнула. Такое выражение лица было ей знакомо. Слишком часто видела она его у своих родственников мужского пола. Понятно, что Саймон будет возвышаться над ней, точно скала, пока она не объяснит все как есть. Стараясь говорить спокойно, Илзбет быстро рассказала ему все, что поведал ей Рейд. По гневному блеску глаз Саймона она догадалась, что он, возможно, не столь бесчувственен, каким рисует его людская молва. Однако сейчас его заботила другая сторона вопроса.

– Неподходящее для вас время, чтобы заниматься благотворительностью, – заметил он.

– Может быть, но это меня не остановит.

– Но что, если вы не сможете доказать свою невиновность?

Илзбет в душе возмутилась. Значит, он предполагает, что она все-таки может оказаться виновной?

Но она сумела взять себя в руки: раз сэр Иннез сказал, что постарается добраться до истины, то, возможно, ей ничего не грозит. Ведь она ни в чем не виновата.

– Я не так глупа, чтобы думать, что вы быстро раскроете это дело и снимете с меня подозрения. Но это еще не причина, чтобы оставить двух маленьких детей умирать с голоду. Если я не сумею оставить их у себя и позаботиться о них лично, то у меня большая семья – они-то уж точно исполнят обещание, которое я дала детям. Все, о чем я вас попрошу, так это чтобы вы отдали их моей семье, если со мной что-нибудь случится.

Саймон кивнул, и они вернулись к детям.

– Вы останетесь здесь, а наутро я отправлюсь ко двору, узнать новости. Однако не думайте, что вам удастся сбежать. Макбин может показаться простофилей со скверным характером, но он очень ревностный слуга – сами увидите, если решите его испытать.

– Я останусь здесь, сэр Иннез. Меня послал сюда отец; он верил, что вы сумеете мне помочь. Нет, не только мне – всей нашей семье. Я не сделаю ничего такого, что продлило бы их страдания на срок, больший, чем необходимо для поимки человека, который свалил на нас вину за собственные преступления. А теперь клянетесь ли вы, что отдадите малышей моей семье, если я сама не смогу этого сделать?

– Клянусь.

Кивнув, Илзбет снова занялась детьми. Она чувствовала на себе взгляд Саймона. Даже огромная собака и довольно безобразный кот, который разлегся у камина, внимательно наблюдали за ней и малышами. Когда вернулась Старая Бега, Илзбет уже мечтала о том, чтобы лечь спать, хотя бы для того, чтобы избавиться от этого неусыпного внимания.

Илзбет уже не так боялась за детей, видя, как суетится вокруг них Старая Бега. Эта женщина точно не допустит, чтобы с Элен и Рейдом что-то случилось. Когда дети уютно устроились в кроватках, Старая Бега проводила Илзбет в спальню по соседству, и ей было приятно сознавать, что брат и сестра проведут ночь совсем рядом.

– Не бойтесь за малышей, – сказала Старая Бега, готовя Илзбет постель. – Не знаю, что у вас за беда, но знаю точно – беспокоиться вам не о чем. Однако вы не монашка, где же вы взяли облачение? Надеюсь, не обокрали монастырь?

– Конечно, нет! У меня сестра – монахиня, и мы взяли облачение у нее, – объяснила Илзбет.

С помощью Старой Беги она разложила свои скудные пожитки.

– А о Голиафе тоже позаботились?

– Голиаф? Этот крошка-пони?

Илзбет кивнула, и Старая Бега рассмеялась.

– Конечно. Ваш пони стоит себе в теплой конюшне.

– Отлично. Он хорошо мне послужил.

– Отдыхайте, девочка. Сэр Саймон разберется с вашей бедой.

Илзбет улыбнулась. Когда служанка ушла, она сбросила одежду, быстро умылась и забралась в постель – ее измученное тело очень нуждалось в отдыхе. Оказавшись под одеялом, Илзбет облегченно вздохнула и закрыла глаза. Ее терзали тревога и страх за судьбу семьи, но усилием воли она сумела успокоиться. Ей нужно поспать. Необходимо оставаться сильной, поскольку предстоит серьезная борьба.

Стоило Илзбет смежить веки, и перед ней встал образ сэра Саймона Иннеза. Она чуть не выругалась. Ее влекло к нему, несмотря на то что он не доверял ей и держался холодно. Если бы ее спросили, что она ищет в мужчине, вряд ли бы она нарисовала портрет сэра Саймона. Все в нем было не так, однако сердце твердило, что он именно тот мужчина, какой ей нужен! Придется как-то себя перебороть. Сэр Иннез может вытащить ее из кошмара, в кото-

ром она увязла, а может отправить на виселицу. Было бы величайшей ошибкой влюбиться в него. Дела и без того плохи, а тут еще она мечтает о мужчине, который, возможно, затянет петлю на ее шее.

* * *

– Не можете же вы думать, что девушка предательница и убийца, – заявил Макбин после того, как Саймон поведал ему, зачем явилась к нему Илзбет.

– Только не говори, что полагаешь, будто женщины не способны на такие преступления, – протянул Саймон и тяжело вздохнул, когда кот вскочил ему на колени.

– Нет. Они могут быть злыми и порочными, не хуже мужчины. Но эта малышка? Не верю!

– Почему? Из-за ее прелестного лица? Или огромных синих глаз?

– Нет. Потому что она взяла к себе двух чужих детей, хотя сама спасалась бегством от преследования.

– Верно. Она спасает свою жизнь. Как и вся ее семья, Армстронги из Эйгбаллы. Вскоре, возможно, придется бежать и кое-кому из Мюрреев.

– Ага. – Макбин скрестил руки на узкой груди и кивнул.

– Что ты хочешь сказать своим «да»?

– Вы займетесь этим делом ради Мюрреев? Что бы вы ни думали об этой малышке, вы будете лезть из кожи вон, лишь бы доказать ее невиновность или по крайней мере не допустить, чтобы из-за ее преступления пострадало семейство Мюррей. И все же я не верю, что она убила человека.

– Но ее кинжал нашли в сердце Йена Огилви. Разве это не свидетельствует об обратном?

– Но вы не хуже меня знаете – это не означает, что именно она воткнула его туда.

Саймон вздохнул.

– Знаю. С другой стороны, лишь с ее слов мне известно имя убийцы. Не в моих правилах выносить решение о невиновности лишь на основании того, что говорит подозреваемый.

– Разве? Кажется, именно так и было в случае с обоими парнями Мюррей. Вы не захотели поверить ей, потому что она – хорошенькая девушка, и не пытайтесь убедить меня в обратном! Десять лет прошло с тех пор, как вас обманула женщина, поэтому пора похоронить прошлое.

Саймон посмотрел вслед Макбину, покинувшему комнату. Беда с этими слугами! Особенно с теми, с кем ты прожил всю жизнь! Макбину были ведомы почти все его тайны. Кроме того, его изрядно раздражало умение слуги читать его мысли. Саймон скорее отрезал бы себе язык тупым ножом, чем признал, что Макбин прав. Одной из причин, почему он отказывался принимать на веру слова Илзбет Мюррей Армстронг, было именно то, что она женщина, и к тому же красивая.

В памяти снова всплыли образы прошлого, и его лоб покрылся испариной. В восемнадцать лет он был совершеннейшим болваном, полагая, что знает о женщинах все лишь потому, что нескольких успел затащить к себе в постель. Мэри, с ее милым личиком, обольстительной фигурой и умением пустить слезу, вертела им как хотела. Она была третьей женой его брата. И хотя родилась всего на три года раньше Саймона, была намного опытнее и гораздо старше, если брать в расчет ее коварство. Мэри сумела даже заставить его вернуться в родной дом, который он покинул в возрасте десяти лет.

Чувство вины до сих пор терзало Саймона. И это несмотря на то что он знал – чувства своего жестокого брата совершенно не были задеты. Гордость пострадала, это так. Однако Генри Иннез не любил Мэри, по крайней мере если и любил, то ничуть не больше, чем двух

предыдущих жен. Саймону не давало покоя то, что он не сумел распознать ложь, предательство и был марионеткой в ловких руках – и самой Мэри, и брата Генри. Принял ложь за чистую монету! Вот почему сейчас он был так одержим правдой.

Разглядывая осадок на дне бокала с вином, Саймон вздохнул. Его страшно избили в наказание, отчего остались шрамы, но он принял их как должное, ведь он нарушил одну из Божьих заповедей. А чего он не смог принять, так это того, что отдал любовь и привязанность женщине, которая того не стоила! Да еще тревожился в момент наивного заблуждения о брате, который не питал к нему ни любви, ни уважения. Ни один брат не осмелился бы проделать с родственником того, что проделал с ним Генри!

Саймон покачал головой, отгоняя воспоминания о тех временах. Теперь его мысли занимала Илзбет Мюррей Армстронг. Стоило ее вспомнить – и он моментально возбуждался, а это очень раздражало. Саймон был готов проклинать внезапное и сильное влечение к Илзбет, объясняя это тем, что у него давно не было женщины. Однако он знал, что лжет самому себе. Что-то было в ней особенное. То, как она смело смотрела ему в глаза, совершенно не смущаясь сурового взгляда, который не выдерживали даже бывалые мужчины. Ее роскошные волосы, прекрасные глаза манили его к себе, как мед осу. Она была опасна.

С другой стороны, сумеет ли он устоять, если она попытается его соблазнить, дабы повлиять на решение о ее невиновности или же, напротив, причастности к убийству? Вероятно, нет, решил Саймон; тем не менее он все равно будет добиваться правды. Он может, конечно, развлечься немножко, получить удовольствие от близости с ней – но не больше. Пусть его тело уступит. Однако Илзбет не сможет им манипулировать. Ничто и никто не сможет сбить его с пути истины. А поддавшись страсти, он, быть может, обретет былую ясность ума, и Илзбет не удастся больше дразнить его своим ароматом или чувственным голосом. Об этом стоит подумать!

Согнав с колен кота, Саймон встал и потянулся. Ближайшие несколько дней ему предстоит провести при королевском дворе, поэтому сейчас лучше поспать. Нужен ясный ум, чтобы разобраться в нагромождении лжи и предательства, царящих при дворе короля. Это даже хорошо, думал он, направляясь в спальню, что у него есть еще одна загадка, требующая решения. Зубастый и кот следовали за ним по пятам.

Хорошо, что у него есть еще одна тайная причина, по которой ему так не терпится взяться за дело, подумал Саймон, забираясь в постель. В глубине души он очень хотел доказать невиновность Илзбет Мюррей Армстронг, хуже всего, что его нетерпение объяснялось не только обычной жаждой справедливости, но и тем, что ему понравилась эта милая девушка с ее ярко-синими глазами и нежным голосом, от которого по коже шли мурашки каждый раз, стоило ей только что-то произнести. Саймон чертыхнулся. Илзбет решительно представляла собой опасность, и не только потому, что оказалась замешанной в интригах, измене и убийстве.

Глава 4

Сэр Уолтер Хэпберн был одним из тех мужчин, которых большинство женщин находили крайне привлекательными. С блестящими белокурыми волосами, обольстительной улыбкой, обнажающей превосходные зубы, отлично сложенный, облаченный в великолепный костюм, сшитый по последнему слову придворной моды, Саймон гадал, почему все это так его раздражает. Если Илзбет говорила правду, было безрассудной смелостью со стороны этого человека появиться при дворе сразу после убийства королевского кузена и предъявления ложных обвинений Армстронгам. Должно быть, бросился сюда сразу после побега невесты! А зря. Ему было бы разумнее остаться дома, пока не окрепнут подозрения в адрес его недругов...

Саймона чуть не передернуло от отвращения, когда он увидел, как этот человек изображает ошеломленного, сбитого с толку и уязвленного в самое сердце жениха, обманутого невестой. Все это было игрой, в чем Саймон не сомневался. К сожалению, эта его уверенность никак не означала, что сэр Уолтер действительно виновен в убийстве королевского посланника. Просто этот мужчина умел добиваться симпатий придворных.

И еще кое в чем был уверен Саймон: сэр Уолтер Хэпберн считал, что стоит гораздо выше, чем любой из Армстронгов. Отвращение к их клану подразумевалось в каждом сказанном им слове. Но, кроме этого, понаблюдав за ним дня два, ничего подозрительного Саймон в нем не заметил. В самом деле, если Хэпберн так уж презирал Армстронгов, зачем обручился с одной из их дочерей? Объяснение Илзбет приобретало смысл; но Саймон еще не был готов принять это как факт.

Обнаружилась и еще одна странность. Чем больше думал он об этом деле, – а для себя Саймон уже решил, что хочет поскорей узнать правду, дабы избавиться от наваждения в лице Илзбет, – тем больше загадок возникало на его пути. Ему было совсем не трудно поверить, что Хэпберн способен сделать именно то, в чем обвиняла его Илзбет, и Саймон понимал, что это уже первый маленький шаг к правде.

– Эй! Саймон! Сюда.

Как можно незаметнее для постороннего глаза Саймон скользнул в затененную нишу, из которой его позвали. Интересно, кто бы это мог быть? Может, кто-то из клана Мюрреев или Армстронгов? Раз его, не церемонясь, окликнули по имени, значит, они были знакомы.

– А, Торманд, не думаю, что с вашей стороны благоразумно явиться сюда, – заметил Саймон, становясь так, чтобы не упускать из виду всех, кто присутствовал в зале.

– Как вы догадались, что это я? – спросил Торманд с нескрываемой досадой в голосе. И почему его разоблачили так быстро! – Я думал, у меня отличная маскировка.

– Если вы думаете, что достаточно намазать бороду с волосами чем-то белым да надеть безобразные тряпки, как сразу никто не узнает, тем более я, то вы сильно ошибаетесь. Подозреваю, что и многим из присутствующих здесь женщин, с которыми вы были в близких отношениях, не трудно будет вас узнать. А как поживает дорогая Морэн?

Торманд тихо чертыхнулся.

– Прекрасно. Здорова. И дети здоровы. Илзбет в безопасности?

– В безопасности. Она в моем доме.

– В вашем доме как в надежном убежище? Или как пленница?

Гневная нотка в голосе Торманда сказала Саймону, что он рассчитал правильно. Попытка узнать правду может дорого ему стоить. У него было несколько близких друзей среди Мюрреев, а Мюрреи держались друг за друга. Их любовь и привязанность распространялись даже на самых дальних родственников. Если он не сумеет спасти Илзбет или решит, что она виновна, его дружбе с Мюрреями придет конец. Даже врагов наживет.

– Вы бы предпочли, чтобы я отправил ее к королю?

– К черту, Саймон! Девочка не убивала того парня, да и Кормаку не совершил бы предательства.

– Вы хорошо знаете Илзбет, не так ли?

– Не очень, но все-таки знаю. И еще я знаю Кормака. Он жизнь положил на то, чтобы смыть позор со своего имени. Не станет он пускать под откос свои старания и подвергать дочь опасности.

Саймон тоже так не думал, однако мужчинам свойственно творить странные вещи. Отцы зачастую не ведают, чем заняты их дети. Того факта, что Кормаку незачем было вынашивать изменнические планы, а Илзбет убивать совершенно незнакомого ей человека, было явно недостаточно, чтобы объявить их невиновными.

– Вам отлично известно, что я всегда добиваюсь правды, – сказал Саймон. – Всегда. Я уже помог и вам, и вашему кузену Джеймсу. Если Илзбет невиновна, я это докажу и найду преступника. Но позвольте мне сказать, доказательства пока нет.

Торманд вздохнул.

– Как вам будет угодно. Илзбет рассказала, что произошло? Знала ли она хоть что-нибудь?

После минутного колебания Саймон поведал Торманду все, что услышал от Илзбет.

– Похоже, она говорит правду. – Саймон бросил косой взгляд на Хэпберна. – А этот человек тщеславен и слишком глуп, чтобы быть предателем. Но мне нужно нечто большее, чем ее слово или слово ее родственника. Доказательство, которое перевесит мое слово или мою веру в ее невиновность, – лишь это спасет ее от смертельной ловушки. Вот почему отец Илзбет отправил девушку ко мне. Он верит, что я найду доказательство.

– Я это знаю, – пробормотал Торманд. – Именно этого хочу и я сам. Разогнать мрак, что сгустился вокруг нас. Увидеть врага, которому я смогу вцепиться в горло. Мне не нужны досужие обвинения, ложь и слухи. Я хочу, чтобы Кормаку и его людям не нужно было больше скрываться. Клянусь Господом, если это будет продолжаться в том же духе, моему клану тоже придется бежать.

Саймон понимал отчаяние Торманда и разделял его чувства. Он научился быть терпеливым, потому что понимал – поиск правды требует кропотливой работы. Но сейчас его снедало нетерпение. Это оттого, пытался убедить себя Саймон, что король в опасности. Однако и не только поэтому – ему было невыносимо видеть, как гаснет огонек надежды в прекрасных глазах Илзбет, которая очень надеется на его помощь.

– Нам нужно отыскать Дэвида, – сказал он.

– Дэвида? Кто такой Дэвид?

– Кузен Хэпберна. Если Илзбет говорит правду, – сдавленное ругательство Торманда он пропустил мимо ушей, – этот Дэвид – один из заговорщиков. Он поддерживал Хэпберна, а последователи часто оказываются слабым звеном в цепи, и его легко сломать. – Саймон видел, что люди уже косятся на него, интересуясь тем, что он делает в нише. – Нельзя, чтобы вас здесь видели. Нельзя также, чтобы видели, что мы говорим. Но может быть, вы сумеете посодействовать мне в поисках этого Дэвида. Возможно, и Морэн сумеет помочь. Однако вряд ли ее посещали видения насчет того, что сейчас происходит.

– Нет. О том, что происходит сейчас – не посещали. Однако она видела кое-что раньше и дала знать Кормаку, чтобы тот был начеку, потому что ему грозит опасность. К тому времени, когда солдаты вошли в Эйгбаллу, там остались лишь старики и калеки. Солдаты вскоре поняли, что им эти люди без надобности, но, боюсь, кое-кто успел отправиться на тот свет прежде, чем солдаты отказались от попыток выбить из них сведения о том, куда подевался их хозяин. Теперь солдаты встали лагерем внутри стен Эйгбаллы. Говорят, если они не убе-

рутся в скором времени, у Кормака уйдут годы на то, чтобы ликвидировать последствия их бесчинств.

– Я прослежу, чтобы он получил компенсацию. Мертвых, конечно, не вернуть, но некоторая сумма возместит причиненный ущерб и предотвратит новые смерти. И еще одно, прежде чем вы уйдете...

– Мне уже уходить?

– Да. Слишком многие проявляют любопытство – с кем это я беседую в нише? Так вот, у Илзбет двое детей.

– Не может быть! Она незамужняя девица.

– Двое найденышей, болван вы этакий.

– Самое время, чтобы подбирать детей! Впрочем, я не могу винить ее за это.

– Как и я. Однако она заставила меня дать клятву, что я передам их вашей семье, если она не сможет заботиться о них сама.

– Хорошо. Так мне их забрать?

– Если Старая Бега отдаст их.

– Так вы оставите их у себя?

– Почему вы так удивлены? Я люблю детей. А эти малыши мне нравятся. А Старая Бега уже отвела им место в своем сердце. Я только лишь хотел убедиться, что, как бы ни обернулось дело, они найдут приют в вашем доме. А теперь идите. Кое-кто здесь осмелел и направляется к нам. А ваш маскарад никого не обманет.

В следующую минуту собеседник Саймона исчез. Он вышел из ниши и направился прямо к сэру Хэпберну. Давно пора поговорить с этим человеком. Если удача будет на его стороне, глупец, возможно, сболтнет что-нибудь, и станет понятно, каким будет его следующий шаг на пути к истине.

При приближении Саймона люди вокруг Хэпберна почтительно расступились, что показалось ему несколько забавным. Его репутация слуги короля или, как называли его многие, ищейки короля, многих заставляла изрядно поволноваться.

– Итак, сэр Саймон, король пустил вас по следу предателей, не так ли? – спросил сэр Хэпберн.

– Вы правы, – ответил Саймон, про себя отметив, что этот человек или безрассудно смел, чтобы сразу брать быка за рога, или невиновен. Интуиция, однако, подсказывала, что лучше следует отдать предпочтение первому из двух предположений. – Я подумал, что вам, вероятно, известно, куда могла скрыться ваша невеста. Как будущий муж вы, возможно, знаете некоторые из секретов ее семьи и поможете нам ее отыскать.

– Что ж, полагаю, она может скрываться там же, где и остальные члены ее клана.

– Вы полагаете? Если девушка собиралась участвовать в заговоре против короля и закончить человека, вам следовало догадываться о ее планах.

Саймона порадовал злобный огонек, который загорелся в глазах Хэпберна.

– Вы наверняка провели некоторое время в Эйгбалле?

– Так и было. – Хэпберн вздохнул, одарив собравшихся вокруг печальной улыбкой. – Эти люди очень скрытные. Мне показалось довольно странным, что они не желают всецело принять меня в свой клан как будущего мужа единственной дочери лэрда. Теперь я понимаю, что они не хотели рисковать. Я мог бы разоблачить их планы и выяснить, где их тайные убежища.

– Возможно, они прониклись бы к вам большим доверием после свадьбы?

– Возможно. Илзбет двадцать один, время для замужества упущено. Ее отцу следовало принять меня с распростертыми объятиями, особенно учитывая мое положение в обществе. Но у меня возникало такое ощущение, будто сэр Кормака не доверял мне. Будто я собирался его ограбить! – Он рассмеялся и покачал головой.

«Возможно, сэр Кормак чувствовал в тебе угрозу не только для его дочери, но и для всего клана», – подумал Саймон.

– Вы знали, что в ваши края прибыл кузен короля, один из его любимцев?

– Нет. Мы не встречались, даже ночлега он у нас не просил. Я предположил, что он прибыл следить за Армстронгами, ведь всем известно, как они опасны. Поэтому беднягу и закололи, бросили гнить среди чертополоха.

– Снова предположение. А предположения – опасная это штука.

Саймон задал еще несколько вопросов и отошел, не обращая внимания на перешептывания у себя за спиной. Он торопился покинуть двор и хорошенько обдумать разговор с Хэпберном: в каждом произнесенном им слове чувствовалась какая-то фальшь. Однако Хэпберн вел себя умно и не сказал ничего, что могло бы вызвать против него подозрения, зато старался усугубить подозрения против Армстронгов.

Однако больше всего Саймона заинтриговал тот факт, что Хэпберн ни на минуту не сомневался в виновности Илзбет. Он ухаживал за ней несколько месяцев, обручился с ней, но ни разу не выразил сомнений в том, что девушка, на которой он собирался жениться, способна убить человека и замышляла заговор против короля. Кроме того, Хэпберн и пальцем не пошевелил, чтобы лично докопаться до правды, как будто невеста унизила его в глазах света, и ему захотелось отомстить ей за то, что она выставила его дураком. Этот человек вел себя неправильно, и с каждым его словом Саймон все больше убеждался, что Хэпберн увяз в преступлениях по самые уши. И понадобятся время и удача, чтобы доказать, в чем именно он замешан.

Когда Саймон вошел в свой дом, его встретил детский смех. Каким же уютным становится дом, когда в нем присутствуют дети. В гостиной он обнаружил Илзбет и детей, которые затеяли возню прямо на полу. Дети играли с собакой, а кот мирно дремал в кресле.

– Саймон! – крикнула Элен при его появлении и бросилась ему навстречу.

Саймон подхватил девочку на руки. Она обвила его шею маленькими ручками и крепко обняла. Как это хорошо, подумал он, хорошо возвращаться домой, когда тебя так встречают. Любой мужчина мечтал бы о подобной встрече. Саймон поймал себя на мысли, что слишком быстро привык возвращаться домой к своим гостям, и это его встревожило. Он понимал, что видит, какой могла бы быть его жизнь в собственной семье; но, когда Илзбет и дети уйдут, ему будет очень горько. Нужно попытаться отдалиться от них, ограничиться исследованием. Ни к чему предаваться несбыточным мечтам о доме и семейном уюте.

Не сводя пристального взгляда с Саймона, Илзбет встала и оправила юбки. Когда Элен бросилась к нему навстречу, Илзбет заметила, что его взгляд вдруг смягчился, и губы ее тронуло подобие улыбки. Потом лицо Саймона приобрело обычное суровое выражение, словно он вдруг понял, что делает что-то не так. Однако Илзбет поняла, что в душе он не такой уж и черствый. Он может держать ее на расстоянии, сколько ему угодно, но ведь он добр к детям. Саймон не отправил ее к королю, где ее посадили бы в сырое грязное подземелье, и где пришлось бы дожидаться, когда он закончит расследование и найдет настоящих убийц. В Саймоне как будто жил еще один человек, которого он в себе старательно прячет. Этот человек очень занимал Илзбет. Ведь именно он пробудил в ней чувства, которых ей еще не доводилось испытывать; желания, которых у нее никогда еще не было. Илзбет твердо решила растопить лед в душе Саймона и помочь ему выпустить на свободу истинного себя.

– Нам нужно поговорить с глазу на глаз, – сказал он, опуская Элен на пол, но девочка немедленно обняла его ногу.

– После вечерней трапезы и после того, как дети лягут спать, – возразила Илзбет.

– Согласен.

Осторожно освободив ногу, Саймон покинул гостиную. Илзбет подозревала, что он направился в маленький кабинет, где держал свои бумаги и записывал все, что услышал и

хотел бы обдумать. Однажды она заглянула в эту комнатку краем глаза. Маленькая, темная; в ней царил просто сверхъестественный порядок. Вероятно, Саймону казалось, что именно такой кабинет должен быть у сурового слуги закона, которым он хотел казаться; но она-то знала лучше. Трудность заключалась в том, что на сей раз ее дело расследовал он. Вот почему он держался от нее на расстоянии.

Илзбет задумалась: возможно ли, что Саймон смягчится хоть чуть-чуть, когда поймет, что она лишь пешка в игре Уолтера, наивная дурочка, которая позволила управлять собой, как марионеткой? Очень хотелось на это надеяться. Ей бы найти трещину в броне сэра Саймона Иннеза, и уж тогда она постарается добраться до сердца этого человека. Если удача будет на ее стороне, Саймон даст ей шанс завоевать его доверие.

* * *

Тихий стук в дверь заставил Саймона оторваться от мрачных раздумий. Он знал, что это пришла Илзбет, и даже вознегодовал на себя за то, что его сердце радостно екнуло в предвкушении встречи! Илзбет все больше запускала коготки в его душу, и у него, кажется, не было возможности этому сопротивляться. Лучшее, что ему оставалось сделать, так это решить головоломку и выдворить девицу прочь из дома, да как можно скорее. Но в последнее время он раздумывал, не обзавестись ли женой. Только зачем ему женщина, которая одной улыбкой приводит его в смятение?

– Войдите, – ответил он, поспешно собираясь с духом, чтобы возвести некую линию обороны.

Илзбет вошла в кабинет, и оборонительная стена дала трещину в тот самый миг, как только Саймон учтиво встал и поприветствовал гостью. Про себя он проклял все на свете, сумев, однако, скрыть раздражение. Не вина Илзбет, что он проявил слабость, не устоял перед ее синими глазами и длинными волосами цвета воронового крыла.

– Вы хотели поговорить со мной наедине, – сказала она, садясь в кресло напротив. – Вы обнаружили нечто такое, что мне поможет?

Саймон тоже сел и некоторое время разглядывал Илзбет. Не будет греха, если он полюбуется ею: сегодня она особенно хороша в своем темно-синем платье и с волосами, в беспорядке разбросанными по плечам. Он ведь мужчина, в конце концов. Платье отлично подчеркивало женственные формы. Полная, высокая грудь, тонкая талия и округлые бедра, которые приведут в восхищение любого мужчину, мечтающего о детях. Его ладони горели от желания дотронуться до Илзбет. Но приходилось выдерживать нелегкую борьбу с плотской страстью, обуздывать которую с каждым днем становилось все труднее.

– Я не узнал ничего, что позволило бы мне объявить о вашей невинности и избавить от преследования вас и вашу семью. Пока ничего. – Ему отчаянно захотелось утешить Илзбет, когда ее глаза, загоревшиеся было надеждой, померкли. – Зато я понял, что Хэпберн вовсе не наивный простак, обманутый злодейкой-возлюбленной. – Саймон кивнул, когда Илзбет презрительно фыркнула. – Он едва ли сказал хоть слово правды. Скажите, когда он просил вашей руки, признавался ли в вечной любви и все такое?

Сейчас Саймон показался ей слишком уж циничным. С какой иронией он говорит о признаниях в любви и верности! Разве можно насмехаться над откровенным проявлением чувств? Бывают же искренние мужчины и женщины! Хотелось бы, однако, узнать, кто говорил ему слова любви, которые на поверку оказались ложью?

– Да, – ответила Илзбет. – Не уверена, впрочем, что поверила ему. Подумала, что он просто говорит то, что принято говорить, когда делают женщине предложение. Как я была тогда глупа! Все равно решила, что из него выйдет хороший муж. Но почему вы думаете, что это важно – то, что он тогда мне говорил?

– Я просто спросил, потому что он сейчас находится при дворе и в обществе ни разу не сказал, что его невеста не смогла бы сделать того, в чем ее обвиняют. Ни слова в вашу защиту! Ни смущения, ни сомнения относительно того, что о вас говорят. Такого просто не может быть.

– А что он сказал?

– Говорит очень много о том, каким был глупцом и не разглядел ваших злых намерений. Не упускает также возможности напомнить всем и каждому – лишь бы нашелся слушатель, – что Армстронги предатели, а вы впридачу еще и убийца. Очень странное поведение для мужчины, который был с вами обручен.

– Он старается отвести подозрения от себя и своей семьи.

– Это лучше было бы сделать, сидя дома. Вместо этого он едет ко двору и без устали обсуждает со всеми ваше преступное поведение.

Илзбет так разозлилась, что у нее зачесались руки. Разбить бы что-нибудь вдребезги! Отправиться бы ко двору и расквасить Уолтеру его изящный нос! Соблазнительная идея – да только тогда ее наверняка схватят солдаты короля. Пусть уж лучше ее невиновность докажут раньше, чем потащат на плаху.

– Трудно понять, почему я не разглядела, какой он человек, – прошептала она и покачала головой, удивляясь собственной бестолковости.

– Он отлично умеет скрывать свои истинные намерения.

– Но вы же их разоблачили.

– Я же не искал в нем мужа, – усмехнулся Саймон. – Большинство из тех, кого он обхаживает при дворе, не догадываются, что он им лжет. Очаровательная внешность, сияющие улыбки – все это он использует к собственной выгоде. Вашему отцу он ведь не нравился, не так ли?

– Нет, не очень. – Илзбет улыбнулась. – Он думал, что Уолтер умеет говорить людям то, что они хотят слышать. Папа больше беспокоился из-за его матери. Боялся, что мне не позволят занять подобающее место в доме Уолтера. Но мама убедила его, что я справлюсь.

– Вы полагаете, его мать замешана во всем этом?

– Не уверена. Она явно преувеличивает значение собственной персоны и зачастую руководит Уолтером. Не могу поверить, что она ничего не знает о его тайных делах, но все же не думаю, что она с легкостью закроет глаза на то, с чем не согласна. Зато я верю – пообещайте ей власть и богатства, и она согласится, что они с Уолтером вполне их заслуживают.

Саймон кивнул. Похоже, пора кому-нибудь побеседовать с матушкой Уолтера.

– Еще я виделся с вашим родственником Тормандом.

– С ним все хорошо? – забеспокоилась Илзбет. – Ему бы лучше держаться подальше от королевского двора, вы не считаете?

– Я тоже думаю, что ему следовало бы убраться подальше, да он не желает. Я отправил его на поиски Дэвида. Вы, случайно, не знаете его полного имени? И где он живет?

– Он тоже Хэпберн, а живет, главным образом, в доме Уолтера. Мне казалось, он прожил там всю жизнь.

– Отлично.

Надо, чтобы Торманд первым делом поискал его там, подумал Саймон.

– Торманд сообщил также, что ваша семья благополучно скрылась. Солдаты захватили Эйгбаллу; боюсь, однако, что некоторые из тех, кто остался, были убиты, когда солдаты взломали ворота.

Илзбет с трудом сдерживала слезы. Она поплачет потом, когда останется одна. Те из жителей Эйгбаллы, кто решил остаться, знали, что рискуют. Несомненно, ценой их жизни ее семья купила время для того, чтобы успеть скрыться. Вечная им слава! Пусть же судьба подарит ей шанс заставить Уолтера дорого заплатить за их смерть.

– Я желаю ему смерти, – прошептала она, приходя в ужас от собственных слов.

– Понимаю вас, он не пожалел сил, чтобы погубить вашу семью, а заодно возвысить свою собственную.

Илзбет встала и принялась расхаживать по кабинету. Наконец с трудом успокоившись, она остановилась перед тяжелым гобеленом, на котором были изображены райский сад и змей-искуситель. Это Уолтер, подумала она. Мужчина, обещавший ей дом и семью – то, чего она так страстно желала, но приведший ее к гибели! Илзбет напряглась всем телом, когда Саймон вдруг подошел и встал у нее за спиной.

Тот факт, что он близко к сердцу принял ее горе, подошел к ней, чтобы утешить, подсказал Саймону, что сам он больше не считает Илзбет преступницей. Единственная вина этой девушки заключается в том, что она, мечтая о собственной семье, выбрала в мужа не того человека.

– Мы узнаем правду, – сказал он и невольно поморщился: жаль, что он начисто лишен дара красноречия!

– Я боюсь, – призналась Илзбет, сама удивляясь, насколько искренне прозвучали ее слова.

– Понимаю. Но вам и должно быть страшно, – ответил Саймон и, уступив наконец соблазну коснуться ее волос, отвел назад густую прядь, которая упала ей на плечо. – У вас есть основания для страха, и страх вынудит вас соблюдать осторожность. Однако вы были правы, когда говорили, что Уолтер очень тщеславен. Он гордится собой, и тут, возможно, его уязвимое место. Он также полагает, что находится в абсолютной безопасности. Снова уязвимое место! Думает, мы не сможем разгадать загадку, но мы ее разгадаем. Просто иногда на это уходит больше времени и сил, чем хотелось бы.

Илзбет коснулась лбом его груди, слабо удивившись – интересно, понимает ли он, что все еще гладит ее волосы?

– Во всей этой истории меня по-настоящему озадачивает одно. Никогда бы не подумала, что Уолтеру хватит ума и смелости интриговать против короля. Да он вряд ли сумеет спланировать поездку в соседнюю деревню! Он полагает, что все делается само собой. Говорит, что хочет ехать, и дожидается, когда подадут лошадь и принесут все, что нужно в пути. Как такой человек может готовить заговор против короля? – Она почувствовала, как замер Саймон, его пальцы сжали прядь ее волос. Она подняла голову, чтобы взглянуть ему в лицо. – В чем дело? Вам что-то пришло на ум?

– Нет. Не мне. Это вы догадались – за Уолтером кто-то стоит.

– Тот, кто разыгрывает эту шахматную партию?

– Именно.

– Что ж, он действительно упоминал своих союзников, но говорил также о новом короле, не подразумевая, впрочем, что им станет он сам. Да еще о том, что нужно додумать до конца план, да так, чтобы соратники его одобрили. Наверное, здесь говорило его тщеславие, потому что, если честно, я не верю, что он сумеет хоть что-нибудь спланировать.

Саймон уже подозревал, что Уолтер скорее всего отнюдь не глава заговорщиков, но теперь слова Илзбет о характере этого человека укрепили его в этом мнении. Значит, Уолтером тоже кто-то руководит. Он достаточно понаблюдал за ним и довольно быстро понял, что сломать его будет нетрудно. Беда лишь в том, что Уолтер, явившись ко двору, тем самым обезопасил себя. Не схватишь же его там с целью увезти в укромное место и допросить как следует.

Саймон все еще прикидывал в уме, как бы все-таки пленить Уолтера, когда неожиданно обнаружил, что держит Илзбет в объятиях. У него возникло желание прижать ее еще ближе к себе, но он поборол это искушение.

Илзбет улыбнулась Саймону, заметив, как потемнели его глаза, сделались почти черными. Не успела она понять, что происходит, как обнаружила, что его губы касаются ее губ. Она не понимала, что подвигло его на этот неожиданный поцелуй, но знала точно, что не будет сопротивляться. Губы Саймона оказались теплыми и мягкими, и чтобы устоять на ногах, Илзбет обвила его шею руками и отдалась на волю страсти и желания, которые захлестнули ее с головой. Почувствовав нажим его языка, она охотно раздвинула губы. Поцелуй обрел новую силу, и Илзбет задрожала от восторга. Саймон оказался восхитительным на вкус, и Илзбет теснее прильнула к его сильному телу, а потом неожиданно почувствовала, как Саймон ее оттолкнул.

– Нет, – сказал он, качая головой и прогоняя наваждение страсти. – Нет!

Саймон выбежал из кабинета, прежде чем Илзбет успела сказать хоть слово. Она прижала ладонь к груди: дыхание ее сделалось прерывистым, а сердце билось, как безумное. Поцелуи Уолтера никогда не производили на нее такого ошеломляющего действия!

Некоторое время она хмуро смотрела на дверь, а потом оглянулась. Саймон сбежал. Илзбет улыбнулась. Короткий приступ страха – вдруг она целовалась так плохо или показалась ему отвратительной – быстро прошел. Саймон сбежал от нее, словно она превратилась в злого демона, который пытался соблазном завладеть его душой. Ее поцелуй не вызвал в нем отвращения; напротив, оказался слишком сладким.

Расправив плечи, Илзбет поправила юбки и вышла из кабинета. Мужчина ретировался бы подобным образом только в одном случае: поцелуй понравился ему так, что он испугался. Значит, она заставит Саймона поцеловать ее снова. И снова. Пока его страх не исчезнет.

Саймон дождался, когда Илзбет выйдет из кабинета, а потом вернулся в него. Ее поцелуй все еще горел на его губах, гибкое тело льнуло к нему. Его собственное тело сделалось твердым, как скала, болезненно протестуя – зачем он оттолкнул эту соблазнительную девушку? Никогда еще поцелуй не действовал на него так!

Илзбет опасна, думал он, наполняя вином бокал. Щедрая порция напитка не смыла вкус поцелуя с его языка, но помогла унять желание, скрутившее тело в тугой узел. Следует быть осторожней, думал он. Помимо всего прочего, Илзбет пришла к нему по воле ее семьи, чтобы он ее охранял. Ее родственники надеются, что он ее спасет. Соблазнить девушку – это бесчестный поступок. И Саймону оставалось лишь молиться, чтобы Илзбет не надумала сама его соблазнить. Вряд ли он устоит перед искушением.

Глава 5

Илзбет старалась не поднимать глаз от шитья, хотя ей ужасно хотелось взглянуть на Саймона, сидевшего тут же, в гостиной. Час был поздний, дети уже спали. Саймон мог бы воспользоваться тем предлогом, что они одни, и поцеловать ее снова. Она быстро пришла в себя после того, как он неожиданно и грубо ее оттолкнул. Но это не значило, что она готова была примириться с тем, что он ее старательно не замечал. Илзбет была по-прежнему уверена, что мужчина бежит от поцелуя женщины лишь в том случае, когда боится последствий, которые могут оказаться намного серьезнее, нежели невинный флирт. И все же Илзбет отрадно было думать, что по крайней мере некоторые из тех чувств, что пробудил в ней Саймон, явно не остались без взаимности.

Илзбет посмотрела на Саймона, который неподвижно уставился в огонь камина и гладил кота, у которого все еще не было имени. Не иначе, подумала Илзбет, Саймон до сих пор не придумал коту имя, потому что делает вид, будто не собирается оставлять его у себя. Примерно так же вел он себя и с ней. Она до некоторой степени могла понять нежелание Саймона идти дальше, нежели один сорванный ненароком поцелуй, ведь в глазах света она все еще убийца и предательница. Даже если сам он уже уверовал в ее невиновность – он слуга короля и не имеет права путаться с женщиной, которую обвиняют в убийстве. Иначе у людей возникнет законное сомнение в его честности. А Илзбет знала, как страдал бы Саймон, случись такое на самом деле.

Ее начинало одолевать искушение – не попытаться ли его соблазнить? Но что она знает о том, как соблазнить мужчину? Кроме того, Илзбет полагала, что соблазнять грешно. Лишь двое любящих могут играть в такие игры. Соблазнить – значит использовать нечестные приемы, чтобы заставить другого человека делать то, чего он сам не желает по-настоящему. Не важно, что этого жаждет ее тело. Она ни за что не поступит так с Саймоном.

Потому что, несмотря на отказ Саймона открыто объявить о ее невиновности, пока у него не будет твердых доказательств помимо ее собственных слов, Илзбет все еще хотела добиться от Саймона того, чего никогда не хотела от Уолтера. Уолтер не умел заставить ее сердце биться сильно, чтобы удары эхом отдавались в ее ушах. При взгляде на Уолтера у нее никогда не возникало желания сорвать с него одежду и ласкать его тело, пробовать на вкус. Сэр Саймон Иннез должен принадлежать ей. Каждая клеточка ее существа кричала об этом. Однако она добьется его честным путем или не получит вовсе. Соблазн лишь будил плотское желание. Но, насколько Илзбет знала мужчин, завлечь их в постель – невелика победа. Она хотела завоевать сердце сэра Саймона.

Но эта задача, возможно, ей не по зубам: ведь к двадцати одному году она все еще оставалась незамужней из-за собственной разборчивости. Она не выбрала себе мужчину из тех немногих, кто за ней ухаживал. Единственный, кто действительно ухаживал за ней и сделал предложение, был Уолтер. Но он сделал это лишь для того, чтобы свалить на нее собственные преступления и ограбить ее семью. Теперь Илзбет понимала: что Уолтер не из-за уважительных отношений к ней берег ее целомудрие, а от крайнего отвращения. Может, она зря так уверена, что Саймон сбежал от нее из-за того, что испытывает к ней влечение?

– Сэр, там бродяга, в дверях кухни, – возвестил Макбин.

Слуга вошел совершенно бесшумно, и Илзбет даже вздрогнула. Зато он отвлек ее от мрачных раздумий.

– Бродяга? – Она взглянула на Саймона. – У вас много знакомых бродяг, сэр?

– Немного, если не считать тех, что забывают постучать в дом, прежде чем войти в него? – с расстановкой произнес Саймон, хмуро глядя на Макбина, который, казалось, не замечал хозяина. – Что за бродяга, Макбин?

– Никакой я не бродяга, – раздался голос прямо за дверями гостиной. – Я женатый человек.

Саймон вздохнул:

– Впусти его, Макбин.

– Торманд! – воскликнула Илзбет, когда ее родственник возник из-за спины Макбина, весело улыбаясь всем присутствующим. Бросив шитье, она ринулась навстречу кузену, желая его обнять.

– Ты прекрасно выглядишь, девочка, – сказал Торманд, целуя ее в щеку.

– Спасибо. И ты тоже. Есть новости о моих родных?

– Кое-что есть. Но я не раскрою рта, пока не выпью вина.

Ворча на ходу, Макбин принес им вина и удалился. Илзбет пригубила свой бокал, пока мужчины пили вино, не спеша обмениваясь любезностями, которые ей были неинтересны. Она сгорала от желания поскорей услышать новости о собственной семье. Она не стала торопить мужчин, просто начала постукивать ногой, не в силах сдержать этот признак рвущегося наружу нетерпения.

– Полегче, девочка, – сказал улыбаясь Торманд, сидевший рядом с ней на диванчике. – Почти ничего нового. Твоя семья продолжает успешно скрываться. Говорят, что королевские солдаты уже не столь рьяно их разыскивают, а ищут предателя, который выдал бы их убежище. Я здесь по двум причинам: во-первых, Туэй, меня просили лично убедиться, что с тобой все в порядке, а во-вторых, у меня есть сообщение от Хэмфри. Обе просьбы поступили уже после того, как я вчера виделся с сэром Саймоном.

– Туэй? – нахмурился Саймон. – Почему он называл вас Туэй? У вас есть сестра-близнец?

– Нет. – Илзбет взглянула на Торманда, и тот рассмеялся, совершенно не убоившись ее гнева, точно так же, как братья.

– Сначала ее звали Кларой, – пояснил Торманд. – Илзбет называли старшую, но она услышала глас Божий, ушла в монастырь, где ее стали называть сестрой Беатрис. Но Элспет так нравилось имя Илзбет, что она спросила вот эту девицу, не хочет ли она взять имя себе, она согласилась – после чего все стали называть ее Туэй.

Илзбет вздохнула.

– Туэй – все же лучше, чем Клара. – Она заметила, что Саймон сдерживает смех, и сурово воззрилась на него. Однако ее сердитая гримаса произвела на Саймона впечатление не большее, чем на Торманда, и она снова взглянула на кузена: – А что сказал Хэмфри?

– Во-первых, что Хэпберн уехал ко двору, как только понял, что тебя не поймали. А его мамаша оказалась очень требовательной хозяйкой, парень не знает, куда от нее деваться. Но главное, он сообщил, что Дэвид уже в пути, скоро присоединится к Хэпберну, – ответил Торманд.

– Отлично, – сказал Саймон, – любезно с его стороны. Нам не придется его повсюду искать.

– Обязательно поблагодарим его, как только он окажется в наших руках.

– Думаете, Дэвид нам поможет? – спросила Илзбет, вспоминая бледного, лишнего подбородка Дэвида, который только и умел, что льстить самовлюбленному Уолтеру. – Он не заговорщик. Просто идет за Уолтером, как верная комнатная собачонка.

– Именно, – сказал Саймон довольным тоном. – Он его подражатель. Такие люди могут дать слабину, что и будет использовано против главаря изменников.

– Не уверена, что Уолтер настолько любит Дэвида – да и кого бы то ни было – чтобы спасти его, рискуя собой.

– Согласен с вами, и вскоре мы сделаем так, чтобы и Дэвид это тоже понял.

Илзбет потеряла лоб. Кажется, у нее разболелась голова.

– Боюсь, я не совсем понимаю. Как это нам поможет?

Саймону вдруг захотелось рассмеяться – его тронуло искреннее замешательство Илзбет. Ну какой из нее заговорщик? Он понимал это все отчетливее с каждым часом, что она провела в его обществе. И то, как она вела себя сейчас, только укрепило его в этом мнении. Илзбет обладала острым умом, но хитрость и коварство – это не про нее. Он заподозрил это давно. Ведь она едва сумела избежать уготованной ей ловушки, но могла бы и угодить в нее, если бы не предусмотрительность отца. Илзбет и обман несовместимы.

– Он идет за лидером, Туэй. – Он усмехнулся, когда глаза Илзбет гневно вспыхнули, когда он назвал ее по прозвищу. – А последователь всегда слабее лидера. И часто самым глупым образом полагает, что лидер спасет его, прикроет от опасности и все такое. Когда оказывается, что лидер готов с радостью бросить беднягу на съедение волкам, его верность разлетается в клочки.

Илзбет была потрясена. Как же красив Саймон, когда улыбается! Страхнув наваждение, она сказала:

– И тогда – о! Он готов выболтать все секреты, потому что ему очень не хочется погибать в одиночку!

– Да. То есть мы на это надеемся. Случается, что последователь так боится заговора, что бесполезно объяснять ему, что тот ни во что не ставит своих людей. Ничто не вынудит его рассказать мне, что ему известно. Все зависит от того, насколько Дэвид предан идее свержения короля. Интересно, однако, кого они хотят посадить на трон?

– Не удивилась бы, если бы Уолтер решил, что ему самому следует сесть на него. Даже если сам он этого и не планировал. Он никогда не упускает возможности сообщить всем желающим, что в его жилах течет кровь Брюсов.

– Этим хвастает половина Шотландии, – заметил Торманд, подливая себе вина.

Илзбет рассмеялась.

– Это точно. Но я думаю, что Уолтер действительно вправе притязать на родство с Брюсами, да только их крови в нем несколько капель, и она совсем жидкая, точно вода. Но, повторяю, Уолтер говорил так, будто на трон должен сесть кто-то другой.

– Может быть, ему не хочется брать на себя тяжелое бремя? Он хочет получить лишь награду за содействие. В таком случае если не сам Уолтер, значит, кто-то другой. Кто, как он надеется, наградит его, наделит властью и сделает особо важной персоной, – сказал Саймон. – Проклятие! Мне нужны имена. Имена дадут мне право объявить о вашей невинности и дать приказ солдатам оставить в покое вас и вашу семью. Доберемся до Дэвида – возможно, он кое-кого выдаст.

– А как вы намерены его заполучить? Не так легко выкрасть человека, который находится при дворе короля. Иначе, думаю, Уолтер был бы у вас в руках, не так ли?

– Хэпберн слишком уж на виду. Не думаю, что Дэвид будет столь же замечен.

– Нет, конечно. Да и Уолтер ему не позволит.

Илзбет слушала, как мужчины строят планы поимки Дэвида. Ей не хотелось знать, каким образом они собираются вытрясти из него сведения, на которые так рассчитывали. Ей нужно было всего-навсего разогнать черное облако подозрений, что сгустилось над их семьей. Дэвид был частью заговора, вынудившего их бежать и скрываться. Кроме того, он ведь замыслил против короля; так что пусть поплатится – он это заслужил.

– Что ж, полагаю, нам есть о чем поразмыслить, – сказал Торманд, вставая. – Мне пора назад, к жене. Ей не нравится, что я в такой опасной близости от королевского двора, хотя она и понимает, что это необходимо. – Он поцеловал Илзбет в лоб. – Не надо тревожиться, девочка. Твой отец сумеет сберечь семью, а Саймон будет тебя охранять. Скоро мы притащим королю настоящих предателей. В следующий раз постараюсь прийти пораньше и повидать малышей, которых ты подобрала.

Едва Торманд вышел, как Илзбет снова взялась за шитье. Ей хотелось верить Торманду, который пытался ее приободрить, но страх за домашних был сильнее. В любую минуту могло произойти что угодно. Ей не следовало бы находиться в доме Саймона; она должна быть с семьей. Ей страстно хотелось оказаться рядом с ними, чтобы поддерживать в борьбе, которую приходится вести.

А ведь это несчастье свалилось на семью только потому, что она была слепа и не разглядела как следует человека, за которого собиралась замуж.

Илзбет тяжело вздохнула, борясь с подступающими слезами. Ее не терзала боль потери жениха, но она страдала от того, что рухнула ее мечта о доме и детях. А еще она горевала о том, что эта мечта принесла страдания ее близким.

– Илзбет?

Она не могла смотреть на Саймона, потому что не хотела, чтобы он заметил, насколько она огорчена.

– Ничего. Все будет хорошо.

Саймон понял, отчего дрожит ее нежный, хриловатый голос, и мог поклясться, что чувствует ее горе, как свое собственное. Тогда он сел рядом и обнял Илзбет. Это, конечно, была опасная затея, но ему так хотелось ее утешить! Она склонилась к нему, и все внутри его застыло в ожидании. Внезапно одежда сделалась ужасной помехой, мучительной преградой. Одного ее запаха было достаточно, чтобы загореться желанием.

Сочувствие, сурово напомнил себе Саймон. Только сочувствие. Но его тело не слушалось рассудка.

– Это я виновата, – прошептала Илзбет, склоняясь ему на грудь.

– Нет, вся вина лежит на Хэпберне, – возразил Саймон. – Ведь это он задумал свергнуть короля, а вас использовал в своих корыстных целях.

– Ах, значит, сейчас вы мне верите?

Вздыхнув, он уступил соблазну прикоснуться щекой к ее мягким волосам.

– Да. Однако мне все еще нужны доказательства, а их не так-то легко добыть. Предатели знают, какая кара их ожидает – не просто смерть в петле.

– Не думаю, что смерть в петле такое простое дело. Но я поняла, что вы хотите сказать. По сравнению с тем, какие пытки обычно применяют к предателям, лучше уж виселица. То есть вы полагаете, что эти люди будут очень осторожны? В таком случае я должна быть со своей семьей. Мне следует пережить это тяжелое время вместе с ними.

– Нет. Они отправили вас ко мне. Они хотят, чтобы вы оставались здесь. Не забывайте, что сказал Торманд. Солдаты почти прекратили охоту. Разве что король снова их натравит. Это позволит нам выиграть время.

Интересно, подумала Илзбет, заметил ли он, что трется щекой о ее волосы и ласково гладит руку? Ей уже расхотелось плакать, но она твердо решила оставаться в его объятиях. Быть так близко к Саймону! Эта близость не только разогревала ее кровь, но давала стойкое ощущение того, что она в безопасности. Она чувствовала его силу; и эта сила служила ей надежным убежищем.

Но ведь и его к ней влечет! От этой мысли у Илзбет закружилась голова. Только как ей себя вести? Она не знала. За то короткое время, что они были знакомы, Илзбет твердо усвоила, что Саймон был человеком чести. Что бы ни удерживало его от желания удовлетворить страсть, которую он к ней испытывал, главное – ее отдали под его защиту. Илзбет не знала, можно ли – следует ли ей – попытаться сокрушить именно этот довод.

Но ей бы очень этого хотелось, подумала Илзбет со вздохом. Ее не пугала мысль о том, что она может позволить Саймону лишиться ее девственности. В конце концов, она Мюррей. А когда женщины из рода Мюррей выбирают себе мужчину, они готовы отдать любимым себя целиком. Одно тревожило Илзбет. Ей будет очень больно, если выяснится, что Саймон

не испытывает к ней ничего, кроме плотского влечения. Что, если когда это все закончится и она будет свободна, Саймон отправит ее домой и ни словом не намекнет о любви или совместном будущем? Илзбет стало страшно. Вдруг ей уготована такая боль, что даже время не в силах будет залечить сердечную рану? Она сильно рискует, если решится отдать ему все с единственной надеждой, что он ответит на ее чувства. Достанет ли ей смелости так рисковать?

– Эй, вы что, уснули?

Веселые нотки в голосе Саймона заставили ее поднять голову и улыбнуться. Илзбет увидела, как внезапно потемнел его взгляд. Ее тело отозвалось, загораясь огнем, и ей даже нечем стало дышать. Кажется, она поняла теперь, почему некоторые из ее замужних родственников каждый раз краснели, когда их мужья смотрели на них. В глазах своих мужчин они видели именно этот призыв!

Саймон тихо выругался и привлек к себе лицо Илзбет, не в силах совладать с желанием поцеловать ее, испытать вкус этих роскошных губ, которые манили его каждый раз, когда он на них смотрел. Илзбет улыбнулась ему, тепло и ласково, и его воля была окончательно сломлена. Он мог думать лишь о том, как ему хочется, чтобы она всегда смотрела на него вот так. Это было какое-то наваждение.

«Илзбет – мое уязвимое место», – с тревогой подумал Саймон. Он потратил немало лет, чтобы отвердеть сердцем, телом и рассудком. Однако эта маленькая женщина с огромными синими глазами легко пробила брешь в его панцире. Одной своей улыбкой. Ему следовало бы бежать от нее со всех ног! Но вот его губы коснулись ее губ, жар, охвативший тело, сжег весь страх без остатка.

Илзбет обвила его шею руками и прильнула к нему всем телом. Ее не пришлось уговаривать ответить на поцелуй, она легко уступила, потому что и сама очень хотела этого поцелуя. Саймон застонал. Илзбет пробудила в нем страсть, и он едва сдерживал себя.

Он опрокинул Илзбет на софу и навалился на нее всем телом. В Илзбет пробудилось желание, столь жаркое и яростное, что она могла думать только о Саймоне, его ласках, его прикосновениях. Как мешает ей его одежда и ее одежда тоже! Она могла бы почувствовать его кожу под своими ладонями! Когда Саймон стал целовать ее шею, она обнаружила, что он опустил вырез ее платья так низко, что обнажилась грудь. Илзбет поняла, что краснеет, но не стала его останавливать. Ее грудь жаждала его ласк.

Когда он покрыл поцелуями ее грудь, Илзбет задрожала всем телом, несмотря на снедающий ее внутренний жар. Отчасти она была шокирована тем, что позволила столь откровенные ласки мужчине, который не был ей мужем или даже женихом. Но страсть уничтожила всякий стыд. Она перебирала в пальцах его густые волосы и прижимала его к себе, поощряя продолжать, наслаждаясь тем, как умело действуют его руки и губы, творя чудеса с ее кожей.

Робкий голос в душе Саймона шепнул, что он зашел слишком далеко, но вид груди Илзбет, напряженной, ждущей ласки, быстро заставил его замолчать. Он накрыл ладонью одну грудь и стал ласкать губами другую. У Илзбет вырвался тихий стон, тело выгнулось дугой, и этого было достаточно, чтобы Саймон забыл о всякой осторожности.

– Мама?

Услышав детский голосок, Саймон застыл, словно тело его свела болезненная судорога. В комнату вошла Элен. Медленно приходя в чувство, Саймон уставился на распростертую под ним Илзбет. Ее грудь была обнажена, напряженные соски влажно блестели. Его рука была у нее под юбками. Он был совсем близок к тому, чтобы овладеть ею прямо в гостиной! Саймон поймал взгляд Илзбет, в котором, несмотря на густой румянец смущения, светились тепло и ласка. Этот взгляд сказал ему, что она бы позволила ему все.

Закрыв Илзбет своим телом, он выпустил ее из объятий, и она быстро поправила лиф платья. Как только ей удалось привести себя в порядок, Саймон поднялся и повернулся к Элен. К счастью, девочка была слишком мала, чтобы понимать, что здесь произошло.

– Вам лучше заняться ребенком, – сказал Саймон Илзбет и направился к двери, будучи совершенно уверен, что ведет себя как трус.

Наверное, и Илзбет посчитала его трусом, размышлял Саймон, сидя в кабинете за бокалом вина. Первый бокал он осушил залпом и налил еще, после чего без сил рухнул в кресло. Трус! Саймон поморщился. Это слово вполне ему подходило, и он чувствовал себя униженным. Илзбет была всего-навсего юной женщиной, а он бежал от нее, точно она превратилась в демона, готового похитить его душу. Нет, возразил Саймон, он бежал не от нее, а от чувств, которые она в нем будила.

Ему следует отправиться в таверну и растратить себя на какую-нибудь продажную женщину. Тогда, может быть, образ Илзбет перестанет его преследовать. Ему было трудно противостоять соблазну, ведь он не был с женщиной уже несколько месяцев. Его воздержание длилось слишком долго, вот почему он проявил слабость, потерял над собой контроль. А безумная ночь в объятиях искусственной шлюхи – именно то, что ему надо.

Стоило этой мысли появиться в голове, как Саймон понял, что никуда не пойдет. Не нужна ему шлюха из таверны. Даже если он даст себе труд отыскать такую женщину, толку не будет. Животная страсть будет удовлетворена, но он снова захочет Илзбет. Саймон понял, что очутился в ловушке. Не мог он выбросить Илзбет из головы; не мог и отослать ее прочь.

– А еще я решительно не способен держать себя в руках, едва она оказывается рядом, – простонал он.

Саймон закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоить огонь, который все еще пожирал его тело. Нужно поскорее найти настоящих преступников, иначе ему придется держать ответ перед Армстронгами и Мюрреями за то, что совратил их дочь, которую они доверили его заботам. Такой конфронтации ему не выдержать.

С другой стороны, размышлял Саймон, он ведь может на ней жениться. И тут же выругался. Мысль отчасти привела его в восторг. Он легко представил себе, что будет видеть ее в собственной постели каждую ночь. Но так ли это хорошо? Илзбет Мюррей-Армстронг никогда не будет тихой, нетребовательной женой, какую он часто рисовал в воображении. Она захочет, чтобы он отдал ей часть себя, возможно, даже потребует любви или чего-нибудь в том же духе. Насколько ему известно, женщины из рода Мюррей просто помешаны на подобных пустяках.

– Боже, дай мне силы! – взмолился он, осушая второй бокал и тут же подливая себе еще вина. Кажется, сегодня вечером ему лучше всего как следует напиться.

* * *

Илзбет снова уложила Элен в постель.

– Вот так, детка. Засыпай, будь умницей. Рейд рядом, видишь? Он не даст тебя в обиду.

– Да, – ответила девочка, посмотрев на брата. – Он большой.

– Да. Я большой и сильный. И очень смелый.

Пришлось потратить на уговоры немного больше времени, прежде чем Элен ее отпустила. Прошел наконец ее страх, вынудивший девочку выбраться из постели и оправиться к себе. Илзбет пошла к себе в спальню. Ей хотелось побыть одной, собраться с мыслями. Наверное, она теперь не скоро увидит Саймона. Не стоит удивляться, если он вообще на несколько дней исчезнет. Дети будут скучать, а она почувствует себя виноватой в том, что он вынужден был уехать, а она будет злиться на него за то, что он сбежал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.